

A promotional image for the TV show 'Divorce on My Terms'. It features a man and a woman in formal attire. The man, on the right, has a beard and is wearing a dark blue suit with a white shirt and a dark tie. The woman, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark blue dress. They are standing in front of a large window that shows a city skyline at night. The man is looking directly at the camera, while the woman is looking slightly away. The text 'Шарлотта Эйзинбург' is written in white cursive script across the middle of the image.

Шарлотта Эйзинбург

РАЗВОД

по моим правилам

Шарлотта Эйзинбург

Развод по моим правилам

<https://litres.ru/74435908>

Аннотация

Он предал меня после 20 лет брака, променяв на молодую любовницу. Он думал, я сломаюсь, буду плакать и просить подачки. Вместо этого я заключила союз с его главным конкурентом. Теперь я не жертва. Я — хищник. Мы уничтожим его бизнес, отберем каждый актив и заставим заплатить за каждую слезинку. Это история не о разбитом сердце. Это история о том, как королева возвращает себе трон. И горе тем, кто встанет у неё на пути.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	53
Глава 11	62
Глава 12	69
Глава 13	80
Глава 14	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1

Если в сорок пять лет ты думаешь, что жизнь только начинается, значит, ты либо только что развелась, либо наконец-то выплатила ипотеку. У Анастасии не было ни того, ни другого. У неё был муж Игорь, двое взрослых детей и «счастливая семейная жизнь», которая оказалась такой же фальшивой, как улыбка администратора в дешевом салоне красоты.

Настя сидела в дальнем углу кофейни «Лаборатория вкуса» — флагманской точки в «империи» её мужа. На носу темные очки в пол-лица, на голове — платок, повязанный аля «я богатая вдова инкогнито», а перед ней — чашка остывшего капучино.

Пенка осела, обнажив серую, безрадостную жижу.

— М-да, Игорек, — пробормотала Настя себе под нос, делая глоток и тут же морщась. — Зерно пережарено, молоко дешевое. Экономишь? Или твоя новая бариста умеет работать только одним местом, и это не руки?

Она пришла сюда не просто так. Женская интуиция — сволочь надежная, она работает лучше, чем швейцарские часы, и обычно включается ровно за пять минут до того, как твой мир рухнет. Последние полгода Игорь пах не своим привычным одеколоном и даже не потом (хотя и это бывало, возраст всё-таки, тестостерон уже не тот, а амбиций —

вагон), а чем-то приторно-сладким. Ванилью, дешевыми духами и... обманом.

Колокольчик на двери звякнул. В кофейню вплыл Он. Игорь.

Настя хмыкнула. Её законный супруг, с которым они двадцать два года делили одну кровать, бюджет и несварение желудка, выглядел как классический пример кризиса среднего возраста. Узкие джинсы, которые безжалостно пережимали его «авторитетный» животик, модная футболка белого цвета, и — вишенка на торте — белые мокасины.

— Господи, — прошептала Настя, поправляя очки. — Ты бы еще самокат взял, мачо комнатный.

Игорь прошел мимо её столика, не заметив. Разумеется. Для него Настя давно стала частью интерьера, чем-то вроде удобного дивана: старого, привычного, на котором можно лежать в трениках, но который стыдно показать гостям.

Он направился напрямик к барной стойке. Там, сверкая улыбкой и декольте, в которое можно было спрятать небольшую дыню, стояла Вика. Администратор. Двадцать два года, ресницы, которыми можно создавать сквозняк, и интеллект хлебного мякиша.

— Игорёк! — взвизгнула девица, даже не пытаясь соблюдать субординацию.

«Игорёк». Настя почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от ревности, нет. От брезгливости. Это как узнать, что твой муж, который дома требует диетические

котлетки на пару из-за гастрита, на стороне жрет шаурму с майонезом на вокзале.

Игорь по-хозяйски положил руку ей на талию, спуская ладонь чуть ниже, на бедро, обтянутое форменной юбкой.

— Тише, котенок, — его голос, тот самый, которым он вчера вечером говорил Насте «передай соль», теперь сочился патокой. — Народу много.

Они отошли в сторону, к служебному помещению, но дверь осталась приоткрытой. Настя, превратившись в слух, аккуратно сняла очки. Её профессиональный навык «слышать то, что скрыто», который она похоронила пятнадцать лет назад ради роли примерной жены, включился на полную мощность.

— Когда ты ей скажешь? — капризно заныла Вика. — Я устала ждать! Ты обещал, что мы поедем в Таиланд уже вдвоем. Я не хочу прятаться, Игорь! Я хочу выкладывать сториз!

— Вик, ну не гони лошадей, — Игорь звучал раздраженно, как человек, которого заставляют платить налоги. — Ты же знаешь ситуацию. На этой старой перечнице все активы. Квартира, дача, даже помещение под эту кофейню — всё на ней. Юрист сказал, нужно время, чтобы вывести деньги. Я сейчас переоформляю поставки на твоё ИП, как мы договаривались.

«Старая перечница».

Слова упали в чашку с кофе тяжелыми булыжниками. Настя замерла. Внутри что-то оборвалось. Не сердце, нет. Лоп-

нула та самая ниточка терпения, на которой держался этот брак последние годы.

— Она такая душная, — продолжал жаловаться муж, почесывая лысеющий затылок. — «Игорь, выпей таблетки», «Игорь, не ешь жирное». Как мамка, честное слово. А мне, может, огня хочется!

— Огня ему хочется, — процедила Настя. — Изжога тебя замучает от твоего огня, герой-любownik.

— А дети? — спросила Вика. — Они точно не будут против?

Настя напряглась. Вот оно. Самое страшное.

— Да брось, — отмахнулся Игорь. — Макс у я тачку пообещал обновить, он вообще за любой кипиш, лишь бы бабки давали. А Оляка... Оляка сказала: «Пап, если ты счастлив, то ок, главное, чтобы мама не истерила и мозг не выносила». Они нормальные, современные ребята. Понимают, что папе нужно вдохновение, а не нафталин.

Воздух в кофейне внезапно закончился.

Нафталин. Она — нафталин. А дети... её дети, которым она вытирала носы, оплачивала репетиторов, которых выхаживала в болезнях, пока папа «строил бизнес» (читай — бухал в бане с партнерами), — они просто продали её. За тачку. За «не выноси мозг».

Настя медленно выдохнула. Боль, острая и горячая, ударила под ребра, но тут же отступила, сменившись ледяным холодом. Тем самым холодом, который когда-то делал её

лучшим антикризисным управляющим в городе.

Она вспомнила, как в молодости Игорь пришел к ней, побитой собакой, с долгами и идеей «кофейного ларька». Кто писал бизнес-план? Настя. Кто договаривался с бандитами и пожарными? Настя. Кто придумывал меню и обучал персонал, пока Игорь играл в «директора»?

Она сама создала этого Франкенштейна, надела на него корону, а теперь он решил, что королева ему больше не нужна.

— Ну иди ко мне, мой тигр, — промурлыкала Вика, и послышался звук поцелуя — влажный, чавкающий, отвратительный.

Настя встала. Медленно, с достоинством императрицы, которую ведут на эшафот, но которая знает, что топор тупой, а палач — пьян. Она достала из сумочки купюру, бросила на стол.

«Ужин со вкусом предательства я уже ела, — подумала она, поправляя платок. — Теперь у меня кофе с привкусом пепла. Ну ничего, Игорёк. Пепел — это хорошее удобрение. На нем такие цветы вырастают... хищные».

Она вышла из кофейни, не хлопнув дверью. Сильные женщины не хлопают дверьми. Они тихо меняют замки.

Её телефон пиликнул. Сообщение от дочери: «Мам, перекинь 5 тысяч, на маникюр не хватает. И не начинай про экономию, плиз».

Настя посмотрела на экран. Уголок губ дернулся в усмеш-

ке, от которой у Игоря, увидь он её сейчас, случился бы тот самый инфаркт, которого он так боялся.

— Маникюр, значит, — прошептала она, набирая ответ.
— Будет тебе маникюр, доченька. И педикюр. И полная эпиляция зоны комфорта.

Она нажала «Блокировать карту».

Шоу начинается.

Глава 2

Домой Настя вернулась с полными пакетами продуктов. Привычка — вторая натура, а у неё эта натура была выдрессирована годами. «Хорошая жена» не истерит, «хорошая жена» обеспечивает тыл и уют. Даже если этот тыл уже давно стал проходным двором, а уют напоминает декорации к плохому спектаклю.

На кухне она двигалась на автомате. Нож стучал по доске ритмично, как метроном: тук-тук-тук. Пре-да-тель.

Она готовила любимые котлеты Игоря. Смешно. Раньше она вкладывала в готовку душу, выбирала мясо на рынке, торговалась с мясником за лучший кусок. Сегодня она купила фарш в супермаркете по акции. Какая разница? Свинья всё sloпает.

Входная дверь хлопнула.

— Мать! Ты дома? — раздался голос сына. Максиму было двадцать один, но «мать» он включал только тогда, когда ему что-то было нужно. В остальное время она была просто фоновым шумом в квартире.

Настя вытерла руки о полотенце. В прихожую вывалилось всё семейство: Игорь, сияющий как начищенный самовар (видимо, Вика хорошо «сняла стресс»), Максим, уткнувшийся в телефон, и Оля, чье лицо выражало вселенскую скорбь оскорбленной невинности.

— Настя, — Игорь потянул носом воздух. — М-м-м, котлетки? Умница. А я голодный как волк!

Он подошел к ней, намереваясь чмокнуть в щеку. Настю передернуло. От него пахло смесью дорогого табака (который он курил только «по особым случаям») и чужой, сладкой пудрой. Она ловко увернулась, якобы поправляя прическу, и губы мужа смазали воздух у её виска.

— Руки мой, — бросила она сухо. — И детей зови.

Ужин начался в тишине, которую нарушало только чавканье Игоря. Он ел жадно, быстро, роняя крошки на скатерть. Настя смотрела на него и думала: «И как я двадцать лет делила с этим чавкающим организмом постель? Неужели я была настолько слепа? Или просто настолько занята, вытирая ему сопли и подтягивая штаны?»

— Мам, — Оля первой нарушила молчание. Она ковыряла вилкой в тарелке с таким видом, будто там лежали не котлеты, а радиоактивные отходы. — Что с картой?

Настя медленно подняла взгляд.

— А что с картой?

— Она не работает! — взвизгнула дочь. — Я стояла на кассе в салоне, как дура! Пришлось звонить папе! Это унижительно!

Игорь, набивший рот картошкой, важно кивнул:

— Да, Настюш, ты разберись там. Я Оле перекинул, конечно на другую карту, но что за сбой? Банк глючит?

— Наверное, глючит, — спокойно согласилась Настя, от-

пивая воду. — Или лимит исчерпан. Ты же знаешь, Оля, деньги не растут на деревьях.

— Ой, началось, — закатила глаза дочь. — Опять лекции по экономике. Пап, скажи ей! Мы же не бедные! Ты же сам сказал, что у нас этот квартал — «пушка»!

— Пушка, пушка, — прошамкал Игорь, подмигивая дочери. — Доча, не парься. Мать просто устала. Возраст, гормоны... Сама понимаешь.

Максим оторвался от телефона:

— Пап, кстати, по поводу «пушки». Мне тут кредит надо закрыть. Ну, помнишь, я брал на тот крипто-стартап? Там проценты капают... Тридцать тыщ всего.

— Тридцать тысяч? — Настя положила вилку. Звук металла о фарфор прозвучал как выстрел. — Максим, ты месяц назад просил пятьдесят. Где твой стартап?

— Мам, ты не шаришь, — отмахнулся сын, даже не глядя на неё. — Это инвестиции. Пап, закроешь?

— Закрою, сынок, закрою, — благодушно махнул рукой Игорь. — Мужчины должны поддерживать друг друга, да? Не то что эти бабы, вечно всё усложняют.

Он рассмеялся своей шутке. Дети подхихикнули.

Настя смотрела на них. Три человека, роднее которых у неё не должно быть никого на свете. Она помнила, как ночами сидела у кровати Максима, когда у него резались зубы. Как учила Олю рисовать стрелки, когда ту дразнили в школе. Как вытаскивала Игоря из депрессии, когда его первый

бизнес прогорел в ноль.

Они сидели перед ней, сытые, одетые в бренды, купленные на её деньги (потому что Игорь всегда «вкладывал в оборот», а семью тянула «подушка безопасности» Насти). И они презирали её.

— Кстати, — Игорь откинулся на спинку стула, похлопывая себя по животу. — Мы тут подумали... Летом надо отдохнуть нормально. Не как ты любишь, Насть, на даче с комарами, а по-человечески.

— В Дубай! — выпалила Оля, и глаза её загорелись. — Пап, ну ты же обещал! Отель «Атлантис», аквапарк... И Вика сказала, что там сейчас скидки...

На кухне повисла тишина. Звонящая, мертвая тишина.

Оля осеклась, прикрыла рот ладонью. Глаза её испуганно метнулись от отца к матери. Максим пнул сестру под столом ногой, да так сильно, что стол качнулся.

— Какая Вика? — голос Насти был ровным, безжизненным. Как поверхность озера перед бурей.

Игорь поперхнулся компотом. Его лицо пошло красными пятнами — не то от стыда, не то от страха, что его комфортный мирок сейчас треснет.

— Э-э-э... — заблеял он. — Вика... Ну, Вика, администратор моя. Она просто тур искала... Помощница же. Хорошая девочка, исполнительная.

— Да, мам, — быстро затараторила Оля, пытаясь спасти положение. — Вика просто туры мониторит. Она в турфир-

ме раньше работала. Папа просто попросил помочь!

Настя смотрела на дочь. В её глазах плескался страх, но не раскаяние. Оля боялась не того, что маме больно. Она боялась, что поездка сорвется.

— А-а-а, — протянула Настя, и губы её тронула ледяная улыбка. — Исполнительная девочка. Помощница. Понимаю. Конечно, Игорек. Дубай так Дубай. Заслужил. Ты ведь так много... работаешь.

Она встала из-за стола.

— Куда ты? — настороженно спросил Игорь. Ему явно не нравилось её спокойствие. Где истерика? Где битые тарелок? Почему она не орет?

— Голова болит, — солгала Настя. — Пойду прилягу. Гормоны, сам понимаешь. Старость.

Она вышла из кухни, чувствуя спиной их взгляды. Как только дверь за ней закрылась, она услышала громкий шепот Максима:

— Олька, ты дура? Чуть всё не спалила!

— Да ладно, — фыркнула дочь. — Она даже не поняла ничего. Ты же видел, она в своем мире. Ей главное, чтобы котлеты были пожарены. Мама — она же как мебель, удобная и глухая.

Настя зашла в спальню. Подошла к зеркалу. Из отражения на неё смотрела женщина с бледным лицом и глазами, в которых плескалась тьма.

— Мебель, говорите? — прошептала она своему отраже-

нию. — Хорошо. Только вы забыли, детки, что бывает антикварная мебель. Тяжелая. Из мореного дуба. И если такой шкаф упадет... от вас останется только мокрое место.

Она достала телефон. Набрала номер, который не использовала семь лет.

— Дмитрий Сергеевич? Добрый вечер. Это Анастасия Волкова. Да, та самая... Я по делу. Завтра утром мне нужно с вами встретиться. Да, это касается вашего предложения выкупить сеть моего мужа... Нет, не выкупить. Уничтожить.

Игра началась. И правила теперь устанавливала она.

Глава 3

Просыпаться рядом с мужчиной, которого ты мысленно уже похоронила, — то еще удовольствие. Это как обнаружить, что твой уютный старый диван на самом деле набит клопами.

Настя открыла глаза в шесть утра, за минуту до будильника. Рядом, раскинувшись на полкровати, храпел Игорь. Храпел он так же, как жил — самозабвенно, громко и совершенно не заботясь о комфорте окружающих. Из рта его несло перегаром вчерашнего «праздничного» ужина, смешанным с той самой приторной ванилью.

«Коктейль "Идиот"», — подумала Настя, аккуратно выбираясь из-под одеяла, чтобы не разбудить это тело. Ей меньше всего хотелось сейчас слушать его утренние оправдания или, не дай бог, попытки «загладить вину» супружеским долгом, который он исполнял с грацией сломанного отбойного молотка.

Она прошла в ванную, заперла дверь на задвижку. Впервые за много лет. Раньше их ванная была проходным двором: Игорь мог вломиться, пока она в душе, чтобы взять бритву, дети — чтобы спросить, где чистые носки. Личное пространство мамы? Не слышали.

Настя включила холодную воду. Умылась. Посмотрела на себя в зеркало.

Вчерашняя истерика (внутренняя, конечно, внешне она держала лицо) оставила следы: глаза припухли, морщинки вокруг них стали резче.

— Ну здравствуй, «старая перечница», — сказала она своему отражению. — Выглядишь так, будто тебя переехал каток семейного счастья.

Но в глубине зрачков, там, где последние годы плескалась только усталость и смирение, теперь горел холодный, злой огонек. Это был взгляд не жертвы. Это был взгляд хищника, который слишком долго питался травой, а теперь почуял кровь.

Настя открыла шкафчик с косметикой. Обычно ее макияж занимал пять минут: тон, тушь, гигиеническая помада. Чтобы не выделяться. Чтобы быть удобным фоном для блистательного Игоря.

Сегодня она достала из глубины ящика алую помаду. Купила ее три года назад, в порыве необъяснимого бунта, но так ни разу и не накрасилась. «Куда мне, засмеют», — думала тогда.

Сегодня она нанесла её медленно, аккуратно, как индеец наносит боевую раскраску перед выходом на тропу войны.

Следующий этап — гардероб. Настя распахнула дверцы шкафа. С одной стороны висели яркие рубашки и дорогие костюмы Игоря (купленные, разумеется, с доходов от бизнеса, который она спасла). С другой — ее унылый ряд: бежевые кардиганы, удобные джинсы, серые платья «и в пир, и в

мир, и в поликлинику».

«Одежда женщины, которая поставила на себе крест», — констатировала Настя.

Её рука потянулась в самый дальний угол, туда, где в чехле висел «призрак прошлого». Темно-синий брючный костюм Hugo Boss. Она купила его пятнадцать лет назад, на первую серьёзную прибыль от кофейни. Тогда она была не «Игорьковой женой», а Анастасией Павловной, женщиной, которая могла взглядом заморозить нерадивого поставщика.

Она сняла чехол. Ткань пахла лавандовым саше и забытыми амбициями.

Настя влезла в брюки. Застегнула молнию. Надо же, сидит идеально. Хоть в чем-то стресс последних месяцев пошел на пользу — она скинула пару килограммов.

Она надела жакет, посмотрела в ростовое зеркало. Бежевый кардиган исчез. Перед ней стояла женщина, с которой опасно шутить. Женщина, которая знает цену деньгам и предательству.

— Ну что, Настя, — подмигнула она себе. — Пора провести аудит этого убыточного предприятия под названием «Семья Волковых». И начать процедуру банкротства.

На кухню она вышла в семь тридцать. Игорь уже сидел за столом, в одних трусах, почесывая волосатую грудь и тупя взгляд в телефон. Вид у него был помятый, как у вчерашней газеты, в которую заворачивали рыбу.

Услышав шаги, он, не поднимая головы, буркнул:

— Насть, кофе сделай. И там где-то мои сигареты были...

Настя прошла мимо него к кофемашине. Стук ее каблучков по плитке прозвучал как автоматная очередь в утренней тишине.

Игорь наконец оторвался от экрана. Его заспанные глаза расширились. Он несколько секунд моргал, пытаясь сопоставить привычный образ жены-домработницы с тем, что он видел сейчас.

— Э-э-э... — выдавил он. — Ты куда это намылилась? В налоговую, что ли?

Его взгляд метнулся по её фигуре, задержался на алых губах. В этом взгляде не было восхищения, только недоумение и смутная тревога. Так смотрит хозяин, когда его старая, послушная собака вдруг скалит зубы.

Настя нажала кнопку «эспresso».

— У меня дела, Игорь.

— Какие дела в такую рань? — он нахмурился, начиная раздражаться. — И вообще, что за маскарад? Ты забыла, что сегодня должны приехать мастера чинить посудомойку? Кто их встретит?

Настя взяла чашку с готовым кофе. Повернулась к мужу.

— Твоя помощница встретит, — сказала она ледяным тоном. — Она же у нас такая исполнительная. Пусть тренируется вести хозяйство.

— Какая помощница? Вика? — Игорь окончательно потерял нить разговора. — Насть, ты чего, перегрелась? При-

чем тут Вика и наша посудомойка?

— Притом, Игорёк, — Настя сделала маленький глоток, наслаждаясь горечью. — Что я слагаю с себя полномочия генерального директора по обслуживанию твоей задницы. Фирма закрывается на переучет.

Она поставила недопитую чашку на стол перед ним, взяла сумочку и ключи от машины.

— Кофе сам себе сделаешь. Кнопки ты нажимать умеешь, я видела.

Она вышла из квартиры, оставив Игоря сидеть с открытым ртом посреди кухни, в трусах и полном непонимании того, что только что произошло.

В лифте она проверила телефон. Сообщение от Дмитрия: *«Жду в "Марио" в 8:30. Надеюсь, ваш боевой настрой не испарился за ночь».*

Настя усмехнулась. Испарился? О нет. Он только настоялся и стал крепче, как хороший яд.

Глава 4

Вырвавшись из душного подъезда на свежий воздух, Настя первым делом глубоко вздохнула. Воздух пах бензином и мокрым асфальтом, но после атмосферы квартиры, пропитанной ложью и перегаром Игоря, этот запах казался ей ароматом свободы.

Она села в свой кроссовер. Руки слегка дрожали — адреналин после стычки на кухне начал отпускать, уступая место холодной пустоте. Ей нужно было заземлиться. Срочно. Ей нужен был голос человека, который помнит её не как «удобную жену Игоря», а как Настюху-Армагеддон.

Она нажала на кнопку быстрого набора. «Любовь моя» — так была записана Любка в её телефоне.

Гудок прошел ровно один.

— Волкова! Не прошло и полгода! — в динамике раздался голос, по мощности сравнимый с сиреной воздушной тревоги, только радостной. — Я уж думала, тебя твой «кофейный барон» окончательно в рабство продал! Где пропадала?

Настя невольно улыбнулась. Люба была её полной противоположностью. Громкая, яркая, трижды разведенная («Я не развожусь, Настя, я оптимизирую личный состав!»), владелица самого скандального ивент-агентства в городе. Люба никогда не унывала, носила мини в сорок пять и считала, что любая проблема решается либо хорошим сексом, либо

хорошим скандалом, либо хорошим адвокатом.

— Привет, Люб, — голос Насти прозвучал тише, чем она хотела. — Я не в рабстве. Я... я увольняюсь.

На том конце провода повисла тишина. Секундная, но для Любы это была вечность.

— Так, — тон подруги мгновенно сменился с базарно-веселого на деловой, стальной. — Где ты? Что случилось? Этот лысеющий Казанова тебя ударил? Если да, я выезжаю. У меня в багажнике бита с прошлого корпоратива осталась и, кажется, лопата.

Настя рассмеялась. Впервые за два дня искренне, до слез в уголках глаз.

— Нет, Люб, не ударил. Физически нет. Он просто... он завел себе «котенка». Двадцатидвухлетнего администратора Вику. И планирует списать меня в утиль, как только переоформит активы. А дети... дети в курсе и просто ждут, когда папа оплатит им путевки за хорошее поведение.

— Ах ты ж божья тварь! — рявкнула Люба так, что динамик захрипел. — Вот же гнида плешивая! «Котенка» он завел! Да у него же на полшестого уже лет пять, судя по твоему кислому лицу! Чем он там этого котенка радуется, рассказами о своем радикулите?!

Люба фонтанировала праведным гневом. Она ругалась виртуозно, смешивая матерные конструкции с высокопарными оскорблениями. Настя слушала этот поток, и ей становилось легче. Словно Люба своей энергией выжигала из неё

остатки жалости к себе.

— Настя, слушай меня внимательно, — Люба наконец выдохнула. — Ты сейчас где?

— Еду на встречу. С Дмитрием... ну, помнишь, ресторатор, конкурент Игоря.

— О-о-о! — многозначительно протянула Люба. — Димочка? Красивый, богатый и не женат? Волкова, ты не теряешься! Это свидание?

— Это деловая встреча, Люба. Я хочу... я хочу, чтобы он помог мне уничтожить бизнес Игоря. Я сама его построила, сама и разрушу.

— Господи, — театрально всхлипнула Люба. — Моя девочка вернулась! Я узнаю этот металл в голосе. Наконец-то! Аллилуйя! Ты вспомнила, что у тебя есть яйца, и они крепче, чем у твоего благоверного!

— Люб, мне страшно, — призналась Настя, сворачивая к центру города. — Я пятнадцать лет варила борщи. Я боюсь, что не потяну.

— Цыц! — отрезала подруга. — Отставить панику! Ты — Анастасия Волкова. Ты в универе преподав до инфаркта доводила своими знаниями. Ты из Игоря, этого куска... недопонимания, сделала человека! Ты всё потянешь. А чего не потянешь — я подтолкну.

Послышался звук, будто Люба что-то быстро печатает на клавиатуре.

— Короче, план такой. Ты сейчас едешь к Диме и вклю-

чаешь свою внутреннюю «железную леди». Костюм надела? Тот самый, счастливый?

— Надела. И помаду красную.

— Умница! Значит так. Ты его очаровываешь и договариваешься. А я пока подниму свои связи. У меня есть девочки в налоговой, есть мальчики в санэпидемстанции... Мы этой «Лаборатории вкуса» устроим такую «сладкую жизнь», что у него кофе в зернах обратно в ягоды превратится от страха.

Настя подъехала к ресторану «Марио». Парковщик услужливо открыл дверь.

— Спасибо, Люб, — сказала она, выходя из машины и расправляя плечи. — Ты настоящая.

— Я не настоящая, я дорогая и эксклюзивная, — хмыкнула Люба. — Всё, иди. Порви их там всех. И позвони сразу после встречи! Если Дима окажется козлом, мы и его закопаем, опыт есть. Целую в десны!

Настя повесила трубку. Внутри больше не было пустоты. Там клокотала Любина энергия, смешанная с её собственной решимостью.

Она посмотрела на витрину ресторана. В отражении она увидела не брошенную жену, а шикарную женщину в дорогом костюме, готовую к серьезной игре.

«Ну, Игорёк, — подумала она, направляясь ко входу. — Ты хотел "огня"? Кажется, я только что плеснула в него бензина».

Глава 5

Ресторан «Марио» был из тех мест, где официанты двигаются бесшумно, как ниндзя, а в меню цены указаны только для того, чтобы подчеркнуть статус гостей — никто на них всё равно не смотрит. Пятнадцать лет назад Настя чувствовала себя здесь как рыба в воде. Сегодня она чувствовала себя рыбой, которую пятнадцать лет морозили в холодильнике «Бирюса», а потом резко бросили на раскаленную сковороду.

Но виду она не подала. Костюм Hugo Boss работал как экзоскелет, держа спину прямой, а помада цвета свежей крови не давала губам дрогнуть.

Дмитрий Сергеевич Волков (однофамилец, какая ирония судьбы) сидел за угловым столиком у окна.

Когда Настя подошла, он встал. Не привстал, не дернулся, а именно встал — высокий, широкоплечий мужчина сорока семи лет. Идеально сидящий темно-синий костюм, седина в аккуратной бороде, которая выглядела благородно, а не жалко, как у Игоря. И глаза — умные, цепкие, холодные глаза хищника, который давно насытился и теперь наблюдает за саванной с ленивым интересом.

— Анастасия Павловна, — его голос был низким, бархатым, уверенным. — Рад, что вы всё-таки позвонили. Присаживайтесь.

Настя села. Официант тут же материализовался с меню и водой.

— Кофе, пожалуйста. Без сахара, — сказала она, не глядя на парня.

Дмитрий смотрел на неё с легким прищуром.

— А вы изменились, Настя. Хотя нет... — он чуть наклонил голову. — Вы вернулись. Я помню вас такой лет двадцать назад. Когда вы, беременная первенцем, выбивали скидки у поставщиков так, что взрослые мужики пили валерьянку после переговоров.

Настя усмехнулась. Compliment был сомнительный, но приятный.

— Жизнь заставила вспомнить старые навыки, Дмитрий Сергеевич.

— Можно просто Дмитрий. Мы не на партсобрании.

Он сделал жест официанту, чтобы тот не мешал.

— Итак, вы сказали по телефону, что хотите уничтожить бизнес своего мужа. Смелое заявление для «примерной жены», сидящей на кухне, которой вы были последние... сколько? Пятнадцать лет?

— Пятнадцать лет, три месяца и два дня, — отчеканила Настя. — Именно столько времени я потратила на то, чтобы обслуживать интересы Игоря, растить наших детей и делать вид, что я счастлива.

Она положила руки на стол. Сцепленные в замок пальцы. Никакой суеты.

— Давайте сразу к делу, Дмитрий. Вы знаете моего мужа.

— Знаю, — кивнул Дмитрий, и в его глазах мелькнула брезгливость. — Игорь — неплохой парень, компанейский. Но как бизнесмен... он ноль без палочки. Уж простите за прямоту. Все в городе знают, что «Лаборатория вкуса» держалась на том фундаменте, который залили вы в самом начале.

Слова бальзамом пролились на израненное самолюбие Насти. Значит, не все забыли.

— Именно. И теперь этот «ноль» решил, что фундамент ему больше не нужен. Он завел себе молодую любовницу, планирует развод и хочет оставить меня ни с чем. Переписывает активы на подставных лиц.

Дмитрий молчал, ожидая продолжения. Он не выражал сочувствия — в большом бизнесе сочувствие стоит дорого и быстро обесценивается. Он ждал предложения.

— Я хочу забрать своё, — твердо сказала Настя. — Не половину, как полагается при разводе. Я хочу всё. Потому что я это создала.

— Амбициозно. А при чем тут я?

— Игорь считает вас своим конкурентом. Он вас боится и одновременно пытается вам подражать. Вы — идеальный инструмент.

Настя видела, как дрогнул уголок его губ в улыбке. Ему нравилась её прямота.

— Продолжайте.

— Я знаю всю внутреннюю кухню «Лаборатории вкуса». Всю черную бухгалтерию, всех серых поставщиков, все дыры в договорах аренды, которые Игорь, в своей гениальности, не удосужился закрыть за эти годы. Я могу дать вам это на блюдечке.

— Зачем мне это? У меня своя сеть, проблем хватает.

— Затем, что вы давно хотели зайти в тот сегмент, который занимает Игорь. Дешевые кофейни у метро. У вас премиум, а там — трафик. Я предлагаю вам не просто уничтожить Игоря. Я предлагаю вам поглотить его сеть за копейки, когда он будет на грани банкротства.

Дмитрий откинулся на спинку стула, задумчиво крутя на пальце дорогое кольцо (не обручальное, отметила Настя).

— И какова ваша цена, Анастасия Павловна?

— Двадцать процентов от прибыли поглощенной сети. Пожизненно. И должность управляющего этим проектом. С полным карт-бланшем.

Он рассмеялся. Тихо, грудным смехом.

— Вы не просто вернулись, Настя. Вы вернулись с аппетитом. Двадцать процентов и управление? После пятнадцати лет на кухне? Вы уверены, что потянете? Бизнес изменился.

Настя посмотрела ему прямо в глаза.

— Дмитрий, я пятнадцать лет управляла самым сложным проектом на свете — эго моего мужа и капризами двоих избалованных детей. Поверьте, по сравнению с этим, управление сетью кофеен — это курорт. К тому же, — она позволила

себе легкую, хищную улыбку, — у меня теперь очень сильная мотивация. Нет ничего страшнее женщины, которую пытались списать в утиль.

Дмитрий смотрел на неё несколько долгих секунд. Оценивал. Не как женщину (хотя и это тоже, Настя чувствовала этот мужской интерес, и он был ей приятен, черт возьми!), а как партнера. Взвешивал риски.

Наконец, он протянул руку через стол.

— Договорились. Люблю рискованные инвестиции. Но учтите, Настя, если вы сдуетесь на полпути, если начнете жалеть "Игорька" — я вас сам съем.

Настя пожала его руку. Его ладонь была теплой, сухой и твердой, как камень. Совсем не похожей на вечно потную, мягкую ладонь Игоря.

— Не волнуйтесь, Дмитрий. Жалость я оставила во вчерашнем дне вместе с котлетами. С сегодняшнего дня в меню только сырое мясо.

Глава 6

Выйдя из «Марио», Настя еще минут десять сидела в машине, вцепившись в руль. Адреналин, бурливший в крови во время встречи с Дмитрием, начал отступать, оставляя после себя странную, звенящую пустоту и... облегчение.

Она сделала это. Рубикон перейден. Назад дороги нет — мосты сожжены, а пепел развеян над чашкой эспрессо за двести рублей.

Она посмотрела на свою правую руку. Кожа еще помнила сухое, твердое рукопожатие Дмитрия. Контраст с вечно влажной, мягкой ладонью Игоря был настолько разительным, что Настю передернуло. Как она могла пятнадцать лет ложиться в постель с мужчиной, который даже руку пожимает как вялая медуза?

— Так, Волкова, — скомандовала она себе, глядя в зеркало заднего вида. — Хватит рефлексировать. У тебя война по расписанию.

Она завела двигатель. Прежде чем возвращаться в семейный склеп, нужно было сделать кое-что важное. Она заехала в ближайшее отделение банка и открыла новый счет. Личный. О котором не узнает ни одна живая душа, включая налоговую и Игоря. Перевела туда все свои скромные сбережения — «булавочные деньги», которые муж великодушно выделял ей с барского плеча. Сумма была смешной для стар-

та новой жизни, но достаточной для покупки первой партии патронов.

Домой она вернулась к обеду. В квартире было тихо, но это была не уютная тишина, а затаенная, напряженная.

В прихожей Настя споткнулась о кроссовки сорок пятого размера. Максим. Студент-экономист, который за три года учебы научился только виртуозно кланчить деньги и прогуливать пары в клубах.

На кухне, за столом, заваленным грязной посудой (Вика-помощница, видимо, так и не материализовалась), сидела Оля. Восемнадцать лет, первый курс журфака, вся жизнь в Инстаграме, вся эмпатия — там же, в лайках под постами о спасении котиков. В реальной жизни котики её не интересовали.

Оля ковыряла ложкой в банке с йогуртом и что-то быстро печатала в телефоне. Увидев мать в дверях, она даже не поздоровалась.

— Мам, ты где была? Я есть хочу. В холодильнике мышь повесилась. И вообще, ты забыла? Мне сегодня нужны деньги на массаж. Пять тысяч.

Настя замерла. Раньше эта фраза запустила бы привычный алгоритм: "Ой, доченька, сейчас что-нибудь приготовлю", "Конечно, солнышко, возьми в моей сумке".

Сегодня эта фраза прозвучала как сигнал тревоги.

Настя медленно прошла на кухню, не снимая жакета. Цокот её каблучков заставил Олю наконец поднять голову.

— Ого, — брови дочери поползли вверх. — Ты чего так вырядилась? На свидание ходила, что ли?

В её голосе не было интереса, только привычная насмешка.

— Нет, дочь. На деловую встречу.

В этот момент на кухню ввалился заспанный Максим.

— О, мать, привет. Слушай, закинь мне десятку на карту. Мне сегодня зачет закрыть надо, препод зверствует. И это... папа сказал, что мы на майские летим в Тай. Ты же в курсе, да? Мне надо шмот обновить.

Вот оно. Тай. Тот самый, куда Игорь летит с Викой. И куда он, как "хороший отец", берет своих взрослых детей, купив их молчание роскошным отпуском.

Настя смотрела на них. На своих детей. Которых она выкормила, вылечила, которым дула на каждую царапину. И видела перед собой двух чужих, циничных взрослых людей, для которых она давно превратилась в функцию. В удобный, безотказный банкомат с функцией выдачи борща.

Внутри что-то щелкнуло. Финальный предохранитель перегорел.

— Нет, — сказала Настя. Голос прозвучал тихо, но в этой тишине можно было резать стекло.

Оля и Максим уставились на неё, как будто она вдруг заговорила на суахили.

— Что «нет»? — переспросил Максим, нахмурившись. — В смысле, десятки нет? Ну дай пять, остальное у отца стрель-

ну.

— Нет — это значит нет денег. Ни на массаж, ни на зачет, ни на «шмот» для Таиланда.

Оля отложила телефон. Её хорошенькое личико исказилось капризной гримасой.

— Мам, ты чего? У тебя ПМС? Папа сказал, что у нас куча денег.

— У папы — возможно, — Настя подошла к столу вплотную, нависая над дочерью. — А у меня денег нет. Я же не работаю, забыла? Я пятнадцать лет сижу у вас на шее. Так, кажется, вы с отцом это называете?

Максим напрягся. Он был старше и, видимо, чуть умнее сестры. Он почувствовал: что-то не так. Этот костюм, этот тон, этот взгляд...

— Мам, что происходит? Вы с отцом поругались?

— Мы не поругались, Максим. Мы в процессе пересмотра условий нашего... сотрудничества.

Она обвела взглядом грязную кухню.

— И, кстати, о сотрудничестве. С сегодняшнего дня правила меняются. Я больше не кухарка, не уборщица и не спонсор ваших развлечений. Вам восемнадцать и двадцать один. Хотите есть? Готовьте. Хотите маникюр и Тай? Идите работать.

— Ты с ума сошла! — взвизгнула Оля. — Я папе позвоню!

— Звони, — Настя равнодушно пожала плечами. — Звони папе. Звони Вике. Звони в службу спасения. Банкомат

закрыт на техобслуживание. Срок окончания работ — неизвестен.

Она развернулась на каблуках и вышла из кухни, оставив детей в полной растерянности. Впервые в жизни они столкнулись с тем, что мир не вращается вокруг их желаний.

Зайдя в спальню, Настя закрыла дверь на замок. Прислонилась к ней спиной и сползла на пол. Сил не было. Слез тоже. Была только звенящая пустота и четкое понимание: она только что объявила войну не только мужу, но и собственным детям.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Дмитрия. Всего одно слово:

«Процесс запущен».

Настя сжала телефон в руке. Она поднялась с пола, подошла к зеркалу и поправила красную помаду.

— Процесс пошёл

Глава 7

Адреналин — коварная штука. Сначала он дарит тебе ощущение всемогущества, заставляя чувствовать себя Суперженщиной, способной остановить поезд одним взглядом. А потом, когда битва заканчивается, он уходит, оставляя после себя дрожащие руки и черную дыру в груди.

Настя выехала со двора своего дома, но далеко уехать не смогла. Она припарковалась в первом попавшемся переулке, заглушила мотор и положила лоб на руль.

Слёзы хлынули не сразу. Сначала пришел скулеж — тихий, жалкий звук, вырывающийся из горла против воли. А потом её накрыло. Она рыдала громко, некрасиво, размазывая тушь и ненавистную алую помаду по лицу.

Она плакала не по Игорю. К черту Игоря. Она плакала по Оле, которая смотрела на неё как на кошелек с ножками. По Максиму, который даже не спросил, как у неё дела, а сразу потребовал денег. Она плакала по своим пятнадцати годам, которые она потратила на создание этого уютного семейного мирка, оказавшегося картонной декорацией.

Когда истерика немного отступила, оставив опухшие глаза и дикую головную боль, Настя достала телефон.

— Люба, — хрипло сказала она в трубку. — Я сейчас приеду. Мне нужно напиться.

— Жду в «Винном шкафу» на Патриках, — голос Любы

был непривычно серьезным. — Я уже заказала бутылку твоего любимого рислинга и тарелку сыра.

Через сорок минут Настя входила в полутемный зал винного бара. Люба сидела в дальнем углу, яркая, как тропическая птица, в леопардовой блузке и массивных золотых серьгах. Увидев Настю — с потекшим макияжем, красными глазами и в дорогом костюме, который сейчас смотрелся на ней как чужой, — Люба молча встала и раскрыла объятия.

Настя уткнулась носом в её плечо, пахнущее терпкими духами, и снова всхлипнула.

— Всё, всё, моя хорошая, — шептала Люба, глядя её по спине, как маленькую. — Выплачь это дерьмо. Пусть вытекает. Лучше наружу, чем внутрь, а то морщины будут.

Они сели. Люба молча налила вино. Настя залпом выпила полбокала. Холодная жидкость немного остудила пожар внутри.

— Я отказала им в деньгах, Люб, — сказала Настя, глядя в бокал. — Детям. Сказала, что банкомат закрыт. Ты бы видела их лица... Как будто я у них почку вырезала без наркоза.

— Правильно сделала, — жестко отрезала Люба. — Давно пора. Ты вырастила двух бытовых инвалидов, Настасья. Уж прости за прямоту. Максиму двадцать один, а он не знает, откуда в холодильнике колбаса берется. Думает, она там сама растет.

— Я думала, я даю им лучшее. Заботу, комфорт... Чтобы у них было детство, которого не было у нас.

— Ты дала им не детство, а парник, — Люба отломил кусок сыра. — А в парниках, подруга, вырастают либо красивые орхидеи, либо плесень. Твои пока больше на плесень похожи. Но ничего, жизнь — лучший фунгицид. Поголодают — начнут шевелиться.

Настя грустно усмехнулась. Люба умела подбирать метафоры.

— Мне страшно, Люб. — призналась она. — Я сегодня заключила сделку с Волковым. С Дмитрием. Я сдала ему Игоря с потрохами. Я начинаю войну, в которой могу сгореть сама. А вдруг я не справлюсь? Вдруг Игорь окажется хитрее? Вдруг дети меня возненавидят окончательно?

Люба внимательно посмотрела на неё, подперев щеку рукой.

— Дети тебя не возненавидят. Они просто охренеют от реальности. Это полезно. А насчет Игоря... Настя, посмотри на меня. Ты помнишь, как ты разрулила наезд братков на ларьки Игоря в 2005-м? Ты тогда вышла к ним одна, с животом, и так их заболтала, что они уехали и еще извинились.

— Это было сто лет назад. Я тогда была другой.

— Ты была той же самой! — Люба стукнула ладонью по столу. — Просто ты уснула. Ты надела халат, взяла половник и решила, что это твой потолок. Но ведьма внутри тебя никуда не делась, Настя. Она просто ждала момента. И этот момент настал.

Люба подлила вина.

— А Волков? Что этот твой Дмитрий? Глаза горят?

Настя вспомнила взгляд Дмитрия. Цепкий, оценивающий, но с искоркой уважения.

— Он... опасный. И очень умный. С ним я чувствую себя как на минном поле, но мне это почему-то нравится. Он не сюсюкает, не врет. Он сказал: "Если сдуешься — я тебя съем".

— О-о-о! — протянула Люба, и в её глазах заплясали бесенята. — Мужик сказал "съем"? Это, дорогая моя, называется сексуальное напряжение, а не угроза. Наконец-то у тебя появился мужик с яйцами, а не с омлетом в штанах.

Настя рассмеялась. Впервые за вечер ей стало легко.

— Мы только партнеры, Люба.

— Ага, конечно. Ромео и Джульетта тоже сначала просто на балу пересеклись. Ладно, не буду торопить события. Но ты присмотрись. Месть местью, а личную жизнь никто не отменял. Тебе сорок пять, ты ягодка, приправленная ядом. Деликатес!

Они просидели еще час. Говорили о ерунде, вспоминали институт, обсуждали новую стрижку Любы. Настя чувствовала, как внутри восстанавливается каркас. Люба была права — слезы вымыли страх, а вино и разговор вернули почву под ноги.

— Тебе пора домой, — сказала Люба, глядя на часы. — Возвращайся в тыл врага. Но помни: ты теперь не жертва. Ты — шпион под прикрытием. Диверсант. Веди себя естествен-

но, улыбайся и жди. Скоро рванёт.

Настя вызвала такси. Свою машину она решила оставить здесь, заберет завтра. Садиться за руль после бутылки рилинга было бы подарком для Игоря.

Когда такси подъехало к её дому, в окнах квартиры было темно. Все спали.

Настя тихо открыла дверь своим ключом. Прошла в спальню. Игорь храпел, раскинувшись на кровати. Запах перегара смешивался с запахом его дорогого лосьона после бритья.

Она посмотрела на него в темноте. Раньше она поправляла ему одеяло. Сейчас ей хотелось накрыть его подушкой и поддержать минут пять.

— Спи, дорогой, — прошептала она в темноту. — Набейся сил. Завтра они тебе понадобятся.

Она взяла подушку и плед из шкафа и ушла спать в гостиную, на диван. В супружескую постель она больше не ляжет. Никогда.

Засыпая, она снова проверила телефон. Сообщение от Дмитрия все еще висело на экране. «Процесс запущен».

— Спокойной ночи, партнер, — шепнула Настя экрану и, наконец, уснула без сновидений.

Глава 8

Утро в доме Волковых всегда начиналось с запахов. Обычно это был аромат свежесваренного кофе (купаж арабики, как любил Игорь), поджаренных тостов и деликатный запах кондиционера для белья от свежей рубашки, висящей на вешалке у двери.

Сегодня утро пахло пустотой и легким амбре вчерашнего скандала.

Игорь проснулся от звонка будильника, который надрылся уже в третий раз. Он пошарил рукой по второй половине кровати. Холодно. Пусто.

— Насть? — хрипло позвал он. — Выключи эту дрянь... И воды принеси.

Тишина.

Игорь с трудом разлепил глаза. Голова гудела после вчерашнего виски, которым он «лечил нервы» после странной выходки жены. Он сел на кровати, ожидая увидеть Настю, суetyающуюся у шкафа или входящую с подносом.

Никого.

Он поплелся в ванную. Полотенца, которое обычно висело на крючке справа (свежее, пушистое), не было. Пришлось вытираться вчерашним, влажным и неприятным. Зубная паста, которую Настя всегда выдавливала до последней капли и вовремя меняла тюбик, закончилась. Он с раздражением

швырнул пустую упаковку в мусорку.

— Да что за хрень с утра пораньше? — проворчал он, выходя в коридор.

На кухне картина была еще печальнее. Стол был девственно чист. Ни завтрака, ни нарезки, ни даже чашки. Только Настя, сидевшая у окна с планшетом и кружкой кофе.

Она выглядела возмутительно хорошо. Свежая укладка (когда она успела?), легкий макияж, белая шелковая блузка. Она спокойно листала ленту новостей, словно Игоря здесь не было.

— Доброе утро, — буркнул он, открывая холодильник.

Внутри было шаром покати. Пакет молока (прокисшего, судя по дате), засохший кусок сыра и банка горчицы.

— Насть, а где еда? — Игорь обернулся к ней, искренне недоумевая. — Я опаздываю. Сделай омлет по-быстрому. И кофе.

Настя медленно подняла на него взгляд поверх планшета.

— Доброе утро, Игорь. Еды нет, потому что я не ходила в магазин. А омлет... — она сделала паузу, словно вспоминая слово. — Я думаю, ты вполне справишься сам. Яйца, сковорода, огонь. Алгоритм несложный, даже для бизнесмена твоего уровня.

— Ты издеваешься? — Игорь захлопнул дверцу холодильника. — У меня встреча через час! Мне некогда играть в «Адскую кухню»! Настя, хватит дурить. Вчерашний спектакль затянулся.

— Это не спектакль, дорогой. Это новая экономическая политика. Ты же любишь оптимизацию? Вот я и оптимизировала свои трудозатраты.

Игорь побагровел. Он хотел наорать на неё, стукнуть кулаком по столу, заставить её метнуться к плите, как это было всегда. Но её спокойный, насмешливый взгляд сбивал с толку. Он не привык видеть её такой.

— Ладно, — процедил он. — Поем в кофейне. Рубашку мою голубую где искать? На вешалке нет.

— В корзине для грязного белья, — невозмутимо ответила Настя. — И белая там же. И та, в полоску.

— В смысле?! — взревел Игорь. — Мне надеть нечего! Почему не постирала?

— А почему ты не постирал? — парировала она. — У стиральной машины есть инструкция. Кнопка «Пуск» — самая большая.

— Я деньги зарабатываю! — заорал Игорь, теряя контроль. — Я содержу эту семью! Моя задача — бизнес, твоя задача — чтобы у меня были чистые рубашки и жратва на столе! Мы так договаривались пятнадцать лет назад!

Настя отложила планшет. Встала. Подошла к нему вплотную. В её глазах не было слез, только ледяное спокойствие, от которого Игорю стало не по себе.

— Договор расторгнут в одностороннем порядке, Игорь. В связи с грубым нарушением условий.

— Каких еще условий? — Игорь нахмурился, чувствуя,

как внутри закипает раздражение.

— Условий лояльности. Ты спишь со своей секретаршей Викой. Ты бронируешь виллу на Пхукете на майские за полмиллиона, пока наш сын кланчит у меня деньги на кроссовки. Ты оплачиваешь ей брендовые шмотки с того счета, который мы открывали «на старость».

Игорь замер. Секунду он смотрел на неё остекленевшим взглядом. Первая реакция — страх (откуда она знает?), вторая — злость.

— Ты бредишь, — рявкнул он, отводя глаза. — Какая Вика? Какой Пхукет? Ты пересидела в своих соцсетях? Настя, не будь идиоткой. Вика — просто сотрудник!

— Не трудись, Игорь, — Настя брезгливо поморщилась. — Я видела выписки по карте. Я видела билеты в Таиланд. И я знаю, что ты собираешься вышвырнуть меня из жизни, как старую мебель, оставив ни с чем.

Игорь понял: отпираться бесполезно. Его лицо изменилось. Маска добропорядочного семьянина слетела, обнажив циничную ухмылку. Он шагнул к ней, нависая всем телом.

— Допустим, — его голос стал жестким, давящим. — Допустим, у меня есть женщина. И что? Что ты сделаешь? Побежишь разводиться?

Он рассмеялся, коротко и зло.

— Куда ты пойдешь, Настя? В «Пятерочку» на кассу? Тебе сорок пять лет. Ты ничего не умеешь, кроме как печь пироги. Ты живешь в моей квартире, едешь на моей машине,

ешь за мой счет. Ты — никто без меня. Пустое место.

Эти слова должны были раздавить её. Раньше бы раздавили. Но сейчас они пролетели мимо, не задев.

— Поэтому я и не подаю на развод прямо сейчас, — спокойно ответила Настя, глядя ему прямо в переносицу. — Потому что я — дорогой проект, Игорь. И закрытие этого проекта будет стоить тебе очень дорого. Я здесь живу. Это мой дом. И я никуда не уйду, пока не получу то, что мне причитается.

— Шантажировать вздумала? — прищурился он. — Смотри, доиграешься. Я могу перекрыть тебе кислород за одну секунду. Заблокирую карты, заберу ключи...

— Попробуй, — перебила она. — И тогда я устрою тебе такой пиар, что твои инвесторы побегут от тебя, как от чумного. Ты же у нас «семьянин», строишь бренд на традиционных ценностях? Фотографии твоих развлечений с Викторией в тайском бунгало очень украсят интернет.

Это был блеф, но он сработал. Игорь дорожил репутацией.

— Сука, — выдохнул он. — Пятнадцать лет притворялась овечкой...

— Овечку съели волки, Игорь. Привыкай к новой реальности. Я не ухожу, но и обслуживать тебя я больше не буду. Хочешь чистых рубашек и ужинов — плати домработнице. Или проси Вику. Пусть она отрабатывает свой Таиланд у гладильной доски.

— Ну смотри, — Игорь ткнул в неё пальцем. — Ты сама

выбрала этот путь. Ни копейки больше не получишь. Сама приползешь, когда жрать захочется. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

В этот момент телефон Игоря, лежащий на столе, разразился звонком. На экране высветилось: «Степаныч (Склад)».

Игорь схватил трубку, радуясь возможности прервать этот унижительный разговор.

— Да, Степаныч! Ну что там с отгрузкой? Машина выехала?

Настя вернулась к своему кофе, внимательно прислушиваясь. Началось.

— Что значит «не отдают»? — голос Игоря сорвался на визг. — Кто запретил? Какой долг?! Мы же договаривались об отсрочке платежа до следующего месяца! Я с Петровичем лично в бане руки жал!

Он слушал, что ему говорят в трубку, и его лицо, красное от гнева минуту назад, начало стремительно бледнеть.

— Перекуплен долг? Кем?! Степаныч, ты пьяный там с утра? Кто мог перекупить наши долги перед поставщиком зерна?! Это же копейки... Ну как копейки, три миллиона, но... Что значит «отгрузка заблокирована»? У нас на точках зерна на два дня осталось!

Настя сделала маленький глоток кофе, скрывая улыбку в чашке. Три миллиона. Для Дмитрия это карманные расходы. А для Игоря, у которого вся оборотка сейчас выведена в кэш для поездки в Таиланд, это катастрофа.

— Я сейчас приеду! Ничего не подписывай! — Игорь швырнул трубку на стол.

Он метался по кухне, забыв про голод и Настю. В панике он схватил ту самую мятую рубашку, которую нашел в шкафу.

— Твою мать... Твою мать! — бормотал он, застегивая пуговицы дрожащими руками. — Откуда это прилетело? Почему сейчас?

Он пулей вылетел из кухни.

— Я уехал! — бросил он уже из коридора. — И чтоб к вечеру ужин был! Хватит показывать характер, не то время! У меня проблемы!

Хлопнула входная дверь.

Настя медленно допила кофе. Тишина в квартире снова стала приятной.

Она взяла телефон и набрала сообщение Дмитрию: *«Клиент уехал. Без завтрака, в мятой рубашке и в панике. Зерно?»*

Ответ пришел мгновенно: *«Зерно и молоко. К обеду еще арендодатель на Тверской "вспомнит" про неустойку. Хорошего дня, Анастасия Павловна».*

Настя отложила телефон.

— И тебе хорошего дня, — сказала она пустому стулу мужа. — А ужин... ужин я, пожалуй, приготовлю. Себе. Стейк с кровью.

Глава 9

Офис «Лаборатории вкуса» напоминал растревоженный улей, в который кто-то щедрой рукой плеснул кипятка. Телефоны разрывались. Менеджеры бегали с выпученными глазами, пытаясь понять, почему на точках заканчивается молоко, а поставщики бросают трубки.

Игорь сидел в своем кожаном кресле, расстегнув ворот рубашки, и орал в трубку:

— Петрович! Ты что, ошалел? Мы же десять лет работаем! Какой «новый кредитор»? Я тебе эти три миллиона... да я тебе их скоро отдам!

В трубке послышался сухой голос бывшего партнера:

— Извини, Игорёк. Ничего личного. Твой долг выкупила компания «Инвест-Капитал». Я свои бабки получил, я доволен. А они теперь твои кредиторы.

— Так грузи новое! — взревел Игорь. — Точки пустые стоят!

— Не могу, брат. У тебя статус «неплатежеспособен». Новая партия — только по стопроцентной предоплате. Привози наличку — отгрузим хоть вагон. Нет налички — извини, бизнес.

Гудки.

Игорь швырнул смартфон на стол. Предоплата. Откуда у него сейчас полмиллиона на закупку партии, если все обо-

ротные средства выведены на личный счет для поездки и прочих трат?

На диване в углу кабинета, закинув ногу на ногу, сидела Вика. Она была уже в форме администратора — узкой юбке и фирменном поло, но поверх накинула свой розовый пиджак. Она приехала «поддержать любимого» перед сменой, но пока только раздражала своим присутствием, листая ленту соцсетей.

— Игорёк, — протянула она капризно, не отрываясь от экрана. — Тут в чате админов паника. Девочки с «Китай-города» пишут, что зерна осталось на два часа. Ленка предлагает купить в «Пятерочке» «Жокей» и варить из него. Говорит, клиенты с сиропом не заметят.

Игорь поднял на неё мутный взгляд.

— «Жокей»? Вика, вы там совсем мозги прокурили? У нас спешелти-кофейня! Если кто-то узнает, что мы варим магазинный мусор, нас Роспотребнадзор сожрет вместе с этим «Жокеем»! Запрети им!

— А я-то тут при чем? — Вика обиженно надула губы. — Я просто админ на «Таганке». Ленка меня слушать не будет, она там старшая. Сам звони и запрещай. Мое дело — маленькое.

— Твое дело — меня поддерживать! — рявкнул Игорь. — А не сидеть тут и читать мне этот бред!

Вика отшвырнула телефон на диван. Ее глаза сузились.

— Ах, я тебя не поддерживаю? Я?! Да я терплю твои ис-

терики второй день! Это не я виновата, Игорь! Это всё твоя жена!

Игорь на секунду опешил от такой нелепости.

— При чем тут Настя? — буркнул он, наливая себе воды.

— Притом! — взвизгнула Вика. — Это она, старая кашелка, тебе удачу перекрыла! Ведьма! Оля мне сегодня написала, что вы с ней сцепились из-за денег. Вот увидишь, это она сглазила! Ходит там, небось, проклинает нас! Энергетика у неё тяжелая, я сразу чувствовала!

Игорь истерически хохотнул.

— Вика, ты дура? Какая энергетика? Какой сглаз? Настя — это... это Настя! Она сейчас сидит дома, смотрит свой турецкий сериал и думает, как бы курицу по акции купить. Она в современном бизнесе понимает столько же, сколько я в балете. Сглазила она...

Он махнул рукой, пренебрежительно скривившись. Мысль о том, что его жена — это аморфное создание в халате — может как-то влиять на его империю, казалась ему смехотворной.

— Тут не сглаз, Вика. Тут рейдеры. Кто-то под меня копает. Серьезные люди.

— Ну и иди к своим серьезным людям! — обиделась Вика, хватая сумочку. — А на меня не ори! Я вообще-то звезда твоего заведения!

Она выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

Игорь остался один. В голове пульсировала мысль: «Ин-

вест-Капитал». Он слышал это название. Это дочерняя структура холдинга... Волкова. Дмитрия Волкова.

Дрожащими пальцами он нашел в контактах номер конкурента.

Гудок. Второй. Третий.

— Слушаю, — голос Дмитрия был спокойным, даже ослабленным.

— Это ты? — Игорь не стал тратить время на приветствия. — Ты выкупил мой долг у Петровича?

— Добрый день, Игорь Владимирович, — подчеркнуто вежливо ответил Дмитрий. — Я смотрю, новости долетают быстро. Да, моя компания приобрела этот актив. Вы хотите обсудить график погашения?

— Какой график?! Ты мне поставки перекрыл! Ты меня душишь! Дима, зачем тебе это? Мы же на одном рынке работаем, места всем хватит...

В трубке Дмитрий усмехнулся.

— Игорь, это просто бизнес. Рынок перенасыщен. Я увидел слабый актив, который плохо управляется, и решил его... оптимизировать. Ничего личного.

— Слабый актив?! — взвился Игорь. — Да у меня лучшая сеть в городе!

— Была лучшая. Пока ты не расслабился. Я хочу свои три миллиона. Сегодня до конца банковского дня. Или мы начинаем процедуру банкротства и опишь имущества. Кофемашины, мебель... У тебя хорошие кофемашины, La Marzocco,

да? Мне пригодятся.

— У меня нет таких денег к вечеру! Дима, дай неделю! Я перекредитуюсь...

— У тебя нет недели. И кредитов тебе больше никто не даст, я об этом позаботился. Информация о твоей неплатежеспособности уже во всех базах. Продавай машину, Игорь. Всё, не смею задерживать.

Короткие гудки.

Игорь медленно опустил руку с телефоном. Его не просто прижали к стенке. Его размазали. И самое страшное — он понимал, что Дмитрий прав. Он действительно расслабился.

В этот момент дверь снова открылась. На пороге стояла секретарша, бледная как мел.

— Игорь Владимирович... Там курьер. Срочное письмо.

— Что еще?! — простонал он, вырывая конверт из её рук.

Он разорвал бумагу. Пробежал глазами по строчкам. Уведомление о расторжении аренды на Тверской. Причина: «Незаконная перепланировка несущей конструкции, выявленная в ходе внеплановой проверки».

Игорь закрыл глаза. Тверская. Его флагман.

— Суки... — прошептал он. — Стукачи...

Кто? Кто наступал? В голове замелькали варианты. Уволенный бариста? Конкуренты, которые давно облизывались на это место? Сами арендодатели, чтобы выгнать его и сдать дороже?

А может, это тоже Дмитрий? Точно. Это его почерк. Он

подослал шпионов, они всё вынюхали, про эту чертову стену, про долги...

— Ну, Волков... — Игорь сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Ты думаешь, ты меня сделал? Хрен тебе. Я выберусь. Я найду деньги.

Он даже не вспомнил про Настю. В его картине мира же-на сейчас сидела на кухне и плакала над пустым холодильником, ожидая, когда он, великий добытчик, вернется домой и бросит ей кость. Она была настолько незначительной фигурой на этой шахматной доске, что он даже не рассматривал её как пешку, не то что как игрока.

Игорь схватил телефон.

— Алло, Макс! — рявкнул он в трубку. — Слушай меня. Мне нужны бабки. Срочно. У тебя есть друзья, которые тачками занимаются? Мне надо мой «Мерс» слить по-быстро-му, за кэш. Сегодня же.

Он был уверен, что справится. Он же мужик. Он же бизнесмен.

Глава 10

Игорь вернулся домой затемно. Настя слышала, как хлопнула дверь такси, как он долго возился с ключом в замке, матерясь сквозь зубы.

Она сидела в гостиной с книгой, которую не читала уже час. Просто смотрела на одну и ту же строчку, прислушиваясь к каждому шороху. Война перешла в партизанскую фазу, и это пугало её больше, чем открытый бой.

Игорь вошел в комнату. Вид у него был, мягко говоря, потрепанный. Дорогой пиджак помят, галстук сбит набок, а в руках — пухлый полиэтиленовый пакет из супермаркета, который он прижимал к груди, как младенца.

— Пап! — в коридор выскочил Максим. — Ты где тачку поставил? Я ключи возьму, к пацанам сгоняю?

Игорь дернулся, как от удара током.

— Нет машины, — буркнул он, проходя мимо сына. — В сервисе. На тюнинге.

— На каком тюнинге? — удивился Максим. — Ты же говорил, она в идеале...

— Я сказал — в сервисе! — рявкнул Игорь так, что Максим отшатнулся и вжался в стену. — Не задавай тупых вопросов! Иди учись!

Он прошел на кухню, не разуваясь. Пакет с деньгами (Настя поняла это сразу — так прижимают к себе только самое

дорогое) он бросил на стол.

Настя вошла следом.

Игорь сидел на стуле, уронив голову на руки. Плечи его тряслись.

— Насть... — позвал он глухо. — Налей... Налей чего-нибудь.

Она молча достала бутылку коньяка и стакан. Поставила перед ним.

Игорь налил себе половину стакана, выпил залпом, не закусывая. Поморщился, вытер губы тыльной стороной ладони.

И тут его прорвало.

— Ты не представляешь, что там творится, — заговорил он жалобно, глядя на неё мокрыми, красными глазами. — Они меня душат, Настя. Со всех сторон. Как волки загнали.

Он потянулся к её руке, ища поддержки. По старой памяти. Все эти годы она гладила его по голове, когда у него были проблемы. Он привык, что здесь — безопасная гавань, где можно быть слабым.

— Петрович предал. Сдал мой долг этим упырям. Арендодатель... сука, выгнал с Тверской. Я сегодня продал машину, Насть. Мою ласточку. За копейки отдал каким-то барыгам, потому что кэш нужен был срочно.

Он всхлипнул. Реально, по-настоящему всхлипнул.

— Я пешком шел до такси. Дождь этот... Почему всё сразу? За что? Я же пахал как вол!

Настя смотрела на него сверху вниз. Раньше её сердце сжалось бы. Раньше она бы уже обнимала его и шептала: «Мы справимся, Игорёк, я помогу».

Сейчас она видела перед собой пьяного, жалкого мужчину, который пропил их будущее и предал их прошлое.

— Может, это карма, Игорь? — тихо спросила она.

Он поднял на неё мутный взгляд. Не понял.

— Какая карма? Ты о чем? Тут рейдеры! Меня заказали! — он снова налил себе. — Ничего... Я им покажу. Я сейчас долг закрою, и они отвяжутся.

Он похлопал ладонью по пакету с деньгами.

— Тут всё. Три миллиона. Завтра отвезу. Но мне нужен старт, Насть. Чтобы перезапуститься. Новые точки открыть, назло всем. Мне нужно еще миллиона три-четыре.

Он посмотрел на неё уже другим взглядом. Жалость уходила, уступая место деловой хватке и... злости.

— Я нашел вариант. МФО. Дают под залог недвижки. Быстро, без справок о доходах.

Настя похолодела.

— Ты хочешь заложить квартиру?

— Не хочу, а надо! — голос Игоря начал твердеть. — Это временно. На полгода. Я раскручусь и выкуплю.

— Нет, — сказала Настя. Спокойно. Твердо.

Игорь замер со стаканом у рта.

— Что «нет»?

— Я не дам согласия. Это единственное жилье. Ты не бу-

дешь рисковать крышей над головой ради своих авантюр.

Секунду он смотрел на неё, переваривая отказ. Его лицо начало меняться. Маска жалкого страдальца сползла, и под ней показался звериный оскал. Та самая сущность, которую он обычно прятал под маской благодушия.

Он медленно встал. Стул с грохотом отлетел назад.

— Ты не дашь? — тихо переспросил он, надвигаясь на неё. — Ты?! Да кто ты такая, чтобы мне не давать? Я эту квартиру купил! Я здесь хозяин!

— Мы купили её вместе, Игорь. И половина принадлежит мне.

— Заткнись! — заорал он, брызгая слюной. — Ты здесь никто! Приживалка! Я тебя кормил все эти годы! Ты подпишешь завтра эту бумагу, поняла?

Он схватил её за плечи и с силой встряхнул. Голова Насти мотнулась.

— Мне нужны деньги! И я их возьму! Не подпишешь сама — я тебя заставлю. Или... — его глаза сузились, — или найду нотариуса, который оформит всё без твоей кислой рожи. Просто это будет стоить дороже.

Он оттолкнул её. Настя ударилась спиной о холодильник.

— Завтра в девять утра подъем. И не дай бог ты что-то выкинешь. Я сейчас злой, Настя. Я за себя не ручаюсь.

Он схватил пакет с деньгами и, пошатываясь, пошел в свой кабинет.

— И жрать дай! — рывкнул он уже из коридора. — Хоть

что-нибудь!

Настя осталась стоять у холодильника. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах.

Заложить квартиру? — думала она, глядя на пустой дверной проем. — Ну уж нет, дорогой. Эта квартира — мой трофей. Моя компенсация за пятнадцать лет варки борщей и стирки твоих трусов.

В её голове четко выстроился план. Она не просто не даст ему заложить жилье. Она заберет эту квартиру себе. Всю. До последнего квадратного метра. После развода Игорь должен остаться с тем, с чем он пришел в её жизнь — с голой задницей и амбициями. Это и будет финальная точка мести. Он уйдет на улицу, к своей Вике, в съемную конуру, а она останется здесь, в центре, в квартире, которую она выстрадала.

Но для этого ей нужно, чтобы он не успел её переиграть.

Слова про «черного нотариуса» не выходили из головы. В отчаянии он действительно может это сделать. Подделать подпись, дать взятку. И тогда она потеряет свой главный актив.

«Документы, — пронеслось в голове. — Без оригиналов ни один, даже самый отмороженный нотариус, не станет рисковать лицензией и свободой. Ему нужны оригиналы свидетельства и договора».

Настя достала телефон и быстро набрала сообщение подруге:

«Люба, я сегодня ночью у тебя. Не спрашивай. Через час

буду. Если не выйду на связь через 30 минут — вызывай ментов на мой адрес».

Люба ответила мгновенно: «Жду. Водка в морозилке, бита у двери».

Настя вызвала такси к подъезду и спрятала телефон. Теперь нужно действовать.

Она набрала в кастрюлю воды, с грохотом поставила на плиту. Включила газ.

— Игорь! — крикнула она, стараясь, чтобы голос звучал жалко и покорно. — Я пельмени варю! Ты будешь с бульоном или без?

— С бульоном! — донеслось из кабинета. — И уксус дай!

— Уксус кончился! — крикнула Настя. — Сходи к соседям, у тети Вали попроси! Я в халате, не могу!

— Твою мать... — послышалось пьяное ворчание. — Всё у тебя кончилось... Хозяйка хренова.

Дверь кабинета скрипнула. Игорь, шатаясь, вышел в коридор. Ему явно хотелось добавить градус скандала, и поход к соседке был отличным поводом.

Щелкнул замок входной двери. Он вышел на лестничную площадку.

Время пошло.

Настя метнулась в кабинет.

В нос ударил запах перегара и старых носков. Сейф был за картиной. Игорь, в своей самонадеянности, даже не закрыл дверцу сейфа на код — просто прикрыл её. Он считал, что

дома у него врагов нет, а Настя слишком глупа, чтобы туда лезть.

Она распахнула дверцу.

Пакет с тремя миллионами лежал сверху. Рука дернулась — может, забрать и деньги? Оставить его вообще ни с чем?

«Нет, — одернула себя Настя. — Это деньги Дмитрия. Пусть он их отвезет и закроет ловушку. Моя цель — квартира».

Она вытащила из-под пакета синюю кожаную папку. Открыла. Свидетельство о собственности, договор купли-продажи, кадастровый паспорт. Всё здесь.

— Моё, — прошептала она, прижимая папку к груди. — Хрен тебе, а не залог, Игорёк. Ты будешь жить на теплотрасе, когда я с тобой закончу.

В прихожей хлопнула дверь. Вернулся. Быстро! Видимо, соседка не открыла.

Настя замерла. Бежать некуда. В коридоре они столкнутся.

Она метнулась за плотную штору. Вжалась в подоконник. Игорь вошел в кабинет.

— Сука старая, — бормотал он. — Спит она уже... Ни уксуса, ни совести.

Он подошел к столу. Налил себе еще. Выпил.

Настя стояла за шторой, не дыша. Если он сейчас пойдет курить в окно...

— Алло! — Игорь вдруг заорал в телефон. — Вика! По-

чему не берешь? Спишь? А я не сплю!

Он говорил с любовницей. Его голос снова стал хвастливым.

— Я сейчас такое придумал... Мы мою квартиру заложим, бабки возьмем, крутанём их, а потом... Потом я новую куплю! Больше! Пентхаус! Будем с тобой вдвоём жить без всякий старых колош и детей.

Настя закусил губу до крови. Отлично. Теперь у неё нет ни капли сомнений.

Игорь, пошатываясь, вышел из кабинета — видимо, пошел на кухню проверять пельмени.

Настя выскользнула из-за шторы.

Она выбежала в прихожую. Схватила свою сумку, сунула туда папку с документами. Накинула плащ. Обуваться некогда — сунула ноги в туфли, сминая пятки.

Щелкнула замком. Тихо.

Выскользнула на лестницу.

Лифт не вызвала — слишком громко. Побежала вниз по ступенькам, перепрыгивая через две.

Вылетела из подъезда в холодную московскую ночь. Дождь бил в лицо, но она его не чувствовала.

Она бежала к дороге, где уже мигало аварийкой такси, вызванное для поездки к Любе.

Сев в машину, она первым делом проверила папку. Бумаги были на месте.

Настя откинулась на спинку сиденья и, наконец, выдохнула.

ла.

— Куда едем? — спросил таксист.

— Ленинский проспект, — назвала она адрес Любы.

Она достала телефон и написала сообщение Дмитрию. Сухое, деловое, без эмоций:

«Игорь завтра привезет вам долг. Не давите на него слишком сильно с новыми условиями прямо с утра. Мне нужно время, чтобы спрятать активы».

Нажала «Отправить».

Потом посмотрела на удаляющийся дом.

— Приятного аппетита, Игорёк, — прошептала она. — Ешь свои пельмени. Это твой последний ужин в статусе хозяина жизни.

Глава 11

Квартира Любы встретила Настю запахом дорогих ароматических палочек и спасительным хаосом. Здесь, среди красных стен, картин с полуобнаженными мужчинами и леопардовых пледов, Настя наконец-то почувствовала, что может дышать.

Она сидела на высоком барном стуле, все еще в плаще, прижимая к груди сумку с синей папкой.

Люба не задавала вопросов. Она молча достала из морозилки запотевшую бутылку водки, две хрустальных стопки и банку соленых огурцов.

— Пей, — скомандовала она, наливая до краев. — Это лучшее лекарство от совести. И от страха.

Настя выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но ледяной ком в желудке наконец-то начал таять.

— Я украла их, Люб, — выдохнула она, вытаскивая папку на стол. — Я, Анастасия Волкова, обчистила сейф собственного мужа, пока он вышел за уксусом к соседке.

— Ты не украла, — Люба смачно хрустнула огурцом. — Ты произвела, как говорят юристы, «обеспечительные меры». Так что ты не воровка. Ты — хранительница очага. Просто методы у тебя теперь... современные.

Люба прищурилась, глядя на синюю папку, и её лицо вдруг стало серьезным.

— Но послушай меня, Настасья. В наше время эти бумажки — только половина дела. Ты молодец, что их забрала, но не расслабляйся. Мы в двадцать первом веке живем, всё в цифре.

— О чем ты? — Настя замерла со стопкой в руке.

— О том, что Игорёк твой, когда протрезвеет и поймет, что папки нет, может просто пойти и заказать дубликаты. Скажет: «Потерял, бес попутал», и через неделю у него на руках будут новые свидетельства. Ну, или чёрному нотариусу оригиналы вообще до лампочки — он тебе и без бумаг, и без твоего согласия такую дарственную нарисует, что ты глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в однушке на краю города.

Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок. О таком повороте она не подумала.

— И что делать?

— Завтра утром, ты бежишь в МФЦ. Ногами. Берешь паспорт и пишешь заявление: «Запрет на совершение регистрационных действий без личного участия собственника». Поняла?

— Запрет?

— Именно. Это такая волшебная галочка в госреестре. Как только её поставят, ни один нотариус, ни один регистратор и ни один «черный маклер» не сможет продать, подарить или заложить твою недвижимость, пока ты лично не придеши, не покажешь паспорт и не распишешься в их журнале.

Даже если Игорь принесет справку, что ты в космос улетила — ничего не выйдет. Это твой главный замок. Так ты не дашь муженьку продать квартиру.

Настя провела рукой по кожаной обложке папки.

— Поняла, но этого мало, Люб. Я ехала в такси и думала... Просто спасти квартиру — это защита. А я не хочу защищаться. Я хочу, чтобы он заплатил.

Люба прищурилась, закуривая тонкую сигарету.

— О, узнаю этот взгляд. В последний раз я его видела, когда ты 2010-м объясняла пожарному инспектору, куда ему засунуть его протокол. Выкладывай.

Настя глубоко вздохнула. Алкоголь ударил в голову, делая мысли четкими и злыми.

— Мой план прост. Я хочу забрать у него всё. Абсолютно всё.

— Амбициозно. Давай по пунктам.

— Пункт первый: Бизнес, — Настя загибала пальцы. — Игорь думает, что его главная проблема — это долг перед Дмитрием. Но это цветочки. Я обещала Дмитрию сеть Игоря. И я сдержу слово. Я сделаю так, что Игорь сам приползет к Волкову и будет умолять купить его ООО за копейки, лишь бы закрыть долги.

— Как? — спросила Люба. — Хотя, кажется, я понимаю. Что на ком записано? Ты говорила, он всё вешал на тебя, как на ёлку, чтобы налоговая не докопалась.

— Именно, — Настя усмехнулась. — Помещение кофей-

ни на Арбате принадлежит мне. Оно еще от отца мне досталось в наследство, задолго до нашего брака, так что Игорь к нему юридически вообще никаким боком — при разводе ему там не светит ни одного квадратного сантиметра. Оформлено на ИП Волкова. Я просто все эти годы сдавала его мужу в аренду. И в договоре, который я сама составляла, есть пункт о досрочном расторжении. Завтра я могла бы просто выкинуть его оттуда.

— Почему?

— Потому что мне нужно время. Я буду держать его на крючке. Он будет думать, что если он ведет себя хорошо, то всё у него работает как часы. А на самом деле я просто жду момента, чтобы выбить из-под него эту табуретку, когда петля на шее затянется потуже.

— Жестоко, — одобрительно кивнула Люба. — А пункт второй?

— Пункт второй: Квартира. — Настя положила ладонь на папку. — Он хотел заложить её ради своих хотелок? Отлично. Теперь он её потеряет.

— Насть, ты же знаешь закон. Квартира куплена в браке. При разводе — 50 на 50. Даже с твоим Дмитрием ты не сможешь просто так лишить его доли.

— Смогу, — тихо сказала Настя. — Если он отдаст её добровольно.

Люба поперхнулась дымом.

— Игорь? Добровольно? Да он за копейку удавится!

— Удавится, если у него будет выбор. А я ему выбора не оставляю. Когда он останется без бизнеса, с огромными долгами перед Дмитрием и банками... я предложу ему сделку.

Настя посмотрела подруге в глаза.

— Я знаю про его «черную кассу». Я смогу найти записи. Сфотографировать их. Там всё: зарплаты в конвертах, уход от налогов, взятки. Если я отнесу это в ОБЭП — он сядет. Лет на пять.

Люба присвистнула.

— И ты предложишь ему обмен?

— Именно. Свобода в обмен на квартиру. Он подписывает дарственную на свою долю, я не даю ход компромату и забираю заявление на развод без раздела долгов. Он уходит к своей Вике голый, босый, но свободный. А я остаюсь в своей квартире.

— Гениально, — прошептала Люба. — И страшно. Ты понимаешь, что загоняешь крысу в угол?

— Крыса сама загнала себя в угол, когда решила, что я — мебель, — отрезала Настя. — Он хотел выкинуть меня в однушку? Теперь он пойдет жить на съемную хату. Карма, Люба. Это просто карма.

— Ладно, план шикарный. Но что ты будешь делать прямо сейчас? Ты сбежала из дома. Он в бешенстве. Документов нет.

— Сейчас я лягу спать, — сказала Настя, чувствуя, как наваливается усталость. — А завтра... Завтра у его мамы юби-

лей. Семьдесят лет.

— Ты шутишь? — округлила глаза Люба. — Ты пойдешь к этой гарпии после всего?

— Я обязана. Это часть плана. Игорь боится скандалов. Если я не приду, он начнет меня искать, истерить, звонить детям. А мне нужно, чтобы он пока думал, что я управляема. Что я просто обиделась, психанула, спрятала документы, но мы все еще «семья».

Настя налила себе еще водки, но пить не стала. Просто смотрела на прозрачную жидкость.

— Я приду на этот праздник. Я буду улыбаться. Я буду играть роль идеальной жены. Но это будет моя последняя роль. Завтра я покажу ему, кого он потерял. Я буду выглядеть так, что он своим слюноотделением затопит ресторан.

— Месть — это блюдо, которое подают красивым? — усмехнулась Люба.

— Именно. Завтра утром мне нужен твой стилист. Самый лучший. Я хочу, чтобы из зеркала на меня смотрела не Настя-домохозяйка, а Анастасия Павловна — владелица заводов, газет, пароходов. И его ночного кошмара.

Люба подняла стопку.

— За ночные кошмары наших бывших! Пусть они просыпаются в холодном поту, вспоминая, кого просрали!

Они чокнулись.

Настя знала: самое сложное впереди. Завтра ей придется смотреть в глаза свекрови, которая её презирает, улыбаться

мужу, который её предал, и терпеть детей, которые видят в ней только кошелек.

Но теперь у неё был план. И это грело лучше любого коньяка.

— Люб, — сказала она, зевая. — Спрячь папку на всякий случай. Куда-нибудь, где даже я спяну не найду.

— Спрячу в корзину с грязным бельем, — хмыкнула Люба. — Туда ни один мужик в жизни не заглянет. Это для них бермудский треугольник.

Настя улыбнулась. Она засыпала на диване подруги с мыслью, что война только началась, но первую битву она уже выиграла.

Глава 12

Утро у Любы началось не с кофе, а с вопля, от которого, казалось, завибрировал даже хрусталь в серванте.

Настя, все еще сидевшая в халате с драконами, спокойно нажала кнопку громкой связи. На экране телефона пульсировало фото Игоря.

— Ты!!! — рев мужа был слышен даже коту, сидящему на холодильнике. — Ты что натворила, дрянь?! Где папка?! Ты хоть понимаешь, что ты воровка?! Я тебя посажу! Я полицию вызову! Верни документы немедленно!

Люба, помешивая кофе туркой, лишь закатила глаза и показала телефону неприличный жест. Настя сделала глоток воды. Руки не дрожали.

— Доброе утро, Игорь. Полицию ты не вызовешь. Потому что тогда придется объяснять товарищу майору, почему ты хотел заложить квартиру, купленную в браке, без согласия жены.

На том конце повисла тишина. Тяжелое, сиплое дыхание Игоря было слышно даже через динамик.

— Чего ты хочешь? — прохрипел он. Гонор испарился, осталась чистая, дистиллированная ненависть. — Шантажировать меня вздумала?

— Я хочу гарантий, — жестко ответила Настя. — Документы на квартиру будут лежать в банковской ячейке. До-

ступ только у меня. Квартира остается в безопасности. Я оформлю запрет на совершение регистрационных действий без личного участия собственника. Ты не сможешь её заложить, продать или проиграть.

— А мне что с этого? — огрызнулся Игорь. — Ты меня связала по рукам и ногам! Мне нужны деньги, дура!

— Тебе нужен бизнес, Игорь. Кофейня на Арбате. Помещение, напоминая, принадлежит мне, ИП Волковой. И договор аренды я могу расторгнуть одним днем за неуплату. Если ты продолжишь угрожать мне или попытаешься вскрыть ячейку — я закрываю Арбат. И ты потеряешь одну из самых прибыльных точек.

Игорь молчал. Он считал. С его похмельной головой это давалось трудно, но остатки инстинкта самосохранения работали. Арбат давал львиную долю выручки. Потерять его сейчас означало мгновенную смерть.

— Ладно, — выдавил он. — Ты не трогаешь Арбат. Я не трогаю квартиру. Пока.

— Договорились.

— Ты домой вернешься? — спросил он угрюмо. — Сегодня юбилей у мамы. Ты обещала. Если тебя не будет, она меня сожрет. И гости будут спрашивать...

— Я буду, — пообещала Настя. — Я приеду домой через час. Собрать вещи и переодеться.

Она сбросила вызов. Люба восхищенно покачала головой.

— Ну ты и стерва, Волкова. Я тобой горжусь.

Настя вошла в квартиру ровно через час. В прихожей пахло валерьянкой и напряжением, таким густым, что его можно было резать ножом.

Игорь сидел в гостиной на диване, обхватив голову руками. Рядом стояли Оля и Максим. Атмосфера напоминала поминки, только хоронили не человека, а надежды на красивую жизнь.

— Пап, ты шутишь? — голос Оли срывался на визг. — Какой «откладывается»?! Я уже сториз выложила! Я купальники купила! Я всем подругам сказала, что мы летим отдыхать. Ты понимаешь, что я буду выглядеть как лохушка?!

— Оля, закрой рот, — глухо отозвался Игорь, не поднимая головы. — Денег нет. Поездка отменяется. Сдаем билеты.

— Но Вика же летит! — топнула ногой дочь. — Я видела у неё в статусе чемодан! Почему она летит, а мы нет?!

Игорь поднял на дочь красные глаза.

— Потому что Вика летит за свой счет! А я сейчас на мели! У меня проблемы, ты понимаешь?! Бизнес рушится!

— Да мне плевать на твой бизнес! — заорала Оля, и её кукольное личико исказилось злобой. — Ты обещал! Ты мужик или кто? Ты всегда говорил: «У папы всё под контролем». А теперь что? «Денег нет, но вы держитесь»? Ты просто неудачник!

Звонкая пощечина прервала её тираду. Игорь ударил дочь. Не сильно, но обидно. Оля замерла, прижав руку к ще-

ке, а потом разрыдалась и убежала в свою комнату, хлопнув дверью.

— Пап, ну ты чего... — подал голос Максим. Он стоял, прислонившись к косяку, и вертел в руках айфон. — Жестко ты с ней. Слушай, ну раз Тая не будет, может, ты мне хоть тридцатку дашь? Мне кредит закрывать сегодня край. Коллекторы уже на ватсап пишут.

Игорь посмотрел на сына так, будто видел инопланетянина.

— Ты... — прошептал он. — У сестры истерика, у отца крах, а тебе только тридцатка нужна? Ты хоть раз спросил, как я себя чувствую?

— Ну ты же отец, — пожал плечами Максим с пугающим равнодушием. — Это твоя обязанность — обеспечивать. Ты сам так воспитал. «Учитесь тратить, папа зарабатывает». Ну вот, мы научились. Давай бабки.

Игорь вскочил с дивана.

— Пошли вон! — заорал он. — Оба! Паразиты! Я для вас горбатился, а вы... Ни копейки не получите! Идите работать! Листовки раздавать!

Максим скривился, сплюнул на пол (прямо на дорогой паркет) и пошел к себе, бросив через плечо:

— Н-да, батя. Сдулся ты. Реально лох.

Игорь остался стоять посреди комнаты, тяжело дыша. Он обернулся и увидел Настю. Она стояла в дверях, не снимая плаща, и наблюдала за этой сценой с ледяным спокойствием.

В её глазах не было ни злорадства, ни сочувствия. Только констатация факта.

— Что смотришь? — рявкнул Игорь. — Довольна? Настроила детей против меня?

— Я им ни слова не сказала, Игорь, — спокойно ответила Настя. — Они — твоё зеркало. Ты пятнадцать лет покупал их любовь. Ну вот, деньги кончились. И любовь кончилась. Банкомат сломался, Игорь.

Игорь рухнул обратно на диван, закрыв лицо руками.

— Господи... За что мне это всё? Сегодня юбилей... Как я туда поеду? С какими глазами?

— С такими же, с какими ты врал мне про любовь до гроба, — ответила Настя. — Умойся, выпей таблетку и надевай костюм. Мы едем поздравлять маму.

— Ты куда? — спросил он, видя, что она берет со столика ключи от своей машины.

— В салон. Я не поеду к твоей маме в образе домохозяйки. Встретимся в ресторане в пять. И не вздумай опоздать. И детей приведи в чувство. Скажи им, что если они не будут улыбаться бабушке, ты продашь их айфоны. Это единственный язык, который они теперь понимают.

Салон красоты «Бьюти Лаб» был похож на операционную, только вместо скальпелей здесь орудовали ножницами, а вместо наркоза подавали шампанское.

— Режем, — скомандовала Настя, садясь в кресло. — Каре. Короткое, резкое. И цвет... шоколад. Глубокий, темный.

Никакого «светленького, чтобы молодило».

Через три часа из зеркала на неё смотрела незнакомка. Женщина с глазами, в которых плескалась тьма, подчеркнутая безупречным «смоки айс». Алая помада — не пошлая, а благородного винного оттенка — завершала образ.

В соседнем бутике она оставила последние деньги с кредитки (карта была привязана к счету Игоря, пусть порадует-ся смс-ке). Платье-футляр цвета запекшейся крови. Глубокое декольте, разрез по ноге, плотная ткань, которая утягивала фигуру, делая её точеной.

— Вам очень идет, — сказала продавщица. — Вы похожи на...

— На вдову мафиози? — усмехнулась Настя. — Отлично. То, что нужно для семейного праздника.

Ресторан «Империя» оправдывал свое название. Лепнина, позолота, хрустальные люстры размером с малолитражку — всё кричало о деньгах и отсутствии вкуса.

Игорь и дети уже были там. Они стояли у входа в банкетный зал. Вид у них был жалкий. Оля дула губы, Максим мрачно разглядывал свои кроссовки, а Игорь нервно поправлял галстук.

Когда двери лифта открылись и вышла Настя, Игорь открыл рот. Он хотел привычно буркнуть про «долго собираешься», но слова застряли в горле.

— Ты... — выдавил он. — Ты выглядишь...

— Эффектно? — подсказала Настя, подходя ближе. Она

была выше его на своих двенадцатисантиметровых шпильках. — Рот закрой, дорогой, сквозняк.

— Мам? Офигеть... — Оля даже отвлеклась от телефона. — Это что, Dolce? Откуда бабки, если «банкомат закрыт»? — Это бонусы за выслугу лет, дочь. Пошли. Бабушка не любит ждать.

Она взяла Игоря под руку. Жест был властным, как у конвоира.

В зале уже сидел весь «террариум»: родственники, нужные люди, подруги свекрови. Во главе стола восседала именниница. Тамара Петровна, в фиолетовом люрексе и с прической «ядерный гриб», выглядела как королева в изгнании.

— Ну наконец-то! — провозгласила она. — Игорёчек, сынок!

Она проигнорировала Настю, протягивая руки к сыну. Игорь, натянув фальшивую улыбку, поспешил к матери. Настя шла следом. Она чувствовала на себе взгляды. Завистливые — от женщин, липкие — от мужчин.

— С юбилеем, Тамара Петровна, — громко сказала Настя, вручая пакет с полотенцами (нарочито дешевый, из супермаркета). — Желаю вам здоровья. Остальное у вас есть — сын, который оплачивает этот банкет из последних сил.

Свекровь скривилась, принимая пакет двумя пальцами.

— Здравствуй, Настя. Ты сегодня... — она окинула невестку взглядом, задержавшись на разрезе платья. — Очень вызывающе. Это семейный праздник, а не бордель. В

твоём возрасте колени лучше прятать.

За столом повисла тишина. Родственники замерли. Обычно Настя в таких случаях краснела и пряталась в угол.

Настя улыбнулась. Ослепительно и страшно.

— Не беспокойтесь о моих коленях, Тамара Петровна. Они в отличной форме. В отличие от вашего воспитания.

Кто-то из гостей подавился оливкой. Глаза свекрови округлились.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что женщина выглядит вульгарно не когда она в красивом платье, а когда она пытается унижить другую женщину, чтобы возвыситься самой. Это дурной тон. Особенно в семьдесят лет.

Игорь побледнел и сжал её локоть.

— Настя, прекрати, — зашипел он. — Ты что творишь?

Настя стряхнула его руку, как пыль.

— А я и не начинала, милый. Я просто поддерживаю светскую беседу. Давайте выпьем!

Она села на свое место, расправив складки платья. Вечер перестал быть томным.

Через час, когда духота от лицемерия и салатов с майонезом стала невыносимой, Настя встала.

— Я выйду подышать.

Она вышла на открытую террасу ресторана. Вечерний город горел огнями. Было прохладно, но этот холод отрезвлял лучше любого вина.

Она подошла к перилам и достала тонкую сигарету. Щелкнула зажигалкой.

— Не знала, что вы курите, Анастасия Павловна.

Голос раздался из полумрака соседней части террасы. Настя обернулась.

Дмитрий стоял, прислонившись к колонне. Без пиджака, в белой рубашке с расстегнутым воротом, с бокалом виски в руке.

— Дмитрий Сергеевич? — Настя выпустила струйку дыма. — Вы меня преследуете?

Он усмехнулся, подходя ближе.

— У меня в соседнем зале банкет. Сыну восемнадцать. А вы здесь... празднуете победу?

Он окинул её взглядом. В нем не было пошлости, только оценка. Высокая оценка.

— Вы выглядите... опасно, Настя. Это платье — объявление войны?

— Это знамя победы, Дмитрий. Муж в шоке, свекровь в предынфарктном. Я сорвала джекпот.

— Вы его заслужили, — серьезно кивнул он. — Ваша наводка про долг перед поставщиком зерна была снайперской. Игоря прижали именно в тот момент, когда он остался без кэша. А информация про незаконную перепланировку на Тверской...

Дмитрий сделал глоток виски, глядя на неё с восхищением.

— Мои юристы аплодировали стоя. Арендодатель искал повод расторгнуть договор уже полгода, но не знал про несущую несущую стену. Вы подарили нам этот повод на блюде. Теперь Игорь потерял флагманскую точку.

— Я просто ускорила неизбежное, — пожала плечами Настя, хотя внутри всё пело от триумфа. — Игорь сам заложил эти мины. Я просто дала вам карту минного поля.

— И всё же, вы — идеальный диверсант. Жестокий и эффективный.

Он подошел ближе. Настолько, что Настя почувствовала запах его парфюма — терпкий, дорогой, смешанный с табаком.

— Но он еще дышит, Настя. У него остались точки в спальных районах и... Арбат. Это тоже жирный кусок. Нам нужно решить, что делать дальше.

— У меня есть идеи на этот счет, — тихо ответила она.

— Я не сомневаюсь. Давайте обсудим это завтра. В «Марио», в то же время? Нам нужен план финальной атаки.

— Я буду, — кивнула она.

— Тогда до завтра, партнер.

Он посмотрел на её губы. В воздухе повисло напряжение — густое, электрическое.

— Идите, Настя. Возвращайтесь в зал. Доиграйте свою роль. Занавес скоро упадет, и тогда вы останетесь на сцене одна. Победителем.

Настя затушила сигарету. Ей нужно было вернуться в зал,

в тот ад, который она сама же и подожгла. Но теперь она знала: у неё есть союзник. И, возможно, не только союзник.

Она развернулась и пошла к дверям, цокая каблуками по плитке. Спиной она чувствовала его взгляд.

Глава 13

Игорь проснулся от того, что в голове гудел трансформатор. Он открыл глаза и привычно пошарил рукой по соседней подушке. Холодно. Насти опять не было.

Он сел, свесив ноги с кровати. Толстый живот, который он втянул бы при посторонних, сейчас безвольно нависал над резинкой трусов.

— Сука... — прохрипел он, растирая виски.

Ситуация была патовой. Да, самый страшный пожар он потушил — три миллиона Дмитрию он отвез вчера. Машины больше нет, но и долга нет.

Однако радоваться было нечему. Счета пусты. Зерна на точках осталось на два дня. Чтобы закупить новую партию, нужна предоплата, а денег нет.

«Где их взять?» — эта мысль сверлила мозг.

У него были накопления, конечно. Но они все «висели» в воздухе. Полмиллиона он отдал за билеты бизнес-классом в Тайланд, еще столько же — за аренду виллы. Он оформил возврат, но авиакомпания и букинг обещали вернуть средства «в течение 30 дней».

Тридцать дней! За это время его бизнес сдохнет от голода.

Игорь вышел из спальни, почесывая волосатую грудь. В коридоре он столкнулся с Олей. Дочь была уже одета, с рюкзаком на плече, но вид у неё был потерянный. Не было при-

вычного высокомерия и телефона в руках.

— Пап? — она остановилась. — Ты как?

— Нормально, — буркнул он, направляясь на кухню. — Живой.

Оля пошла за ним.

— Пап, я вижу, что происходит, — тихо сказала она, присаживаясь на край стула. — У вас с мамой война. Тихая, но жуткая. Вы разводитесь, да?

Игорь налил себе воды из-под крана (фильтр давно надо было менять, но этим всегда занималась Настя).

— Мать твоя с ума сошла, — ответил он, вытирая рот рукой. — Решила на старости лет характер показать.

— Она знает про Вику? — прямо спросила Оля.

Игорь замер со стаканом. Врать дочери смысла не было. Она не маленькая.

— Знает, — кивнул он. — И поэтому упёрлась рогами и не даёт заложить квартиру в целях инвестиций в бизнес.

— И что теперь будет? — голос Оли дрогнул. — Она хочет выгнать тебя из дома?

— Не выгонит! — рявкнул Игорь. — Я ей хату не отдам. Пусть даже не мечтает. Это моя квартира, я её заработал!

Оля обхватила себя руками, словно ей стало холодно.

— Пап, мне страшно. Честно. Раньше всё было... понятно. Мама на кухне, котлеты жарит, ты деньги приносишь, дома уютно, спокойно. А сейчас... Я прихожу, а тут как в склепе. Холодильник пустой, мама смотрит волком, ты пьешь. Я не

хочу так жить.

Игорь посмотрел на дочь. Впервые за долгое время ему стало её жаль. Но раздражение было сильнее.

— Не ной, Оля. Мне сейчас не до твоих страданий. У меня бизнес рушится, а вы все только требуете. Иди учись. Всё наладится. Я решу.

Оля вздохнула, встала и поплелась к выходу.

Как только хлопнула дверь, телефон Игоря ожил. Вика.

— Да? — ответил он устало.

— Игорёчек, привет! — голос Вики был бодрым, даже слишком. — Ты как там? Я соскучилась.

— Вика, мне некогда, — отрезал он. — Я занят. Проблемы решаю.

— Да ладно тебе дуться! — она не сдавалась. — Игорёша, я хочу встретиться. У меня к тебе серьезный разговор.

— По телефону говори.

— Нет, не по телефону. Это... сюрприз. И вообще, я хочу тебя поддержать. Ты же напряжен, я чувствую. Тебе расслабиться надо. Я такой массаж сделаю... как ты любишь.

Игорь почувствовал, как внизу живота шевельнулось забытое тепло. Расслабиться... Да, это было бы кстати. Забыть про долги, про Настю, про этот ад.

— Я не могу приехать, — сказал он, скрепя сердце. — Машины нет. А на такси...

— Так я сама приеду! — перебила Вика. — К тебе! Ты же дома один?

Игорь покосился на дверь. Оля ушла, Максим где-то шляется, Настя... черт её знает, где она, но вряд ли вернется скоро.

— Приезжай, — решил он. — Только... Вик, вызови такси сама. Я потом скину, как всё налажу. Честно.

На том конце повисла секундная пауза — Вика явно перемаривала, что её "олигарх" не может оплатить ей даже "Комфорт+".

— Ладно, — сказала она, и в голосе проскользнул холод. — Жди. Через полчаса буду.

Когда Вика вошла в квартиру, Игорь даже не успел ничего сказать — она повисла у него на шее, обдавая запахом сладких духов.

— Бедный мой, — шептала она, целуя его в шею. — Загнали тебя совсем. Ну ничего, сейчас мы всё исправим.

Она потянула его в спальню.

В супружескую спальню.

Игорь на секунду замялся. Это была территория Насти. Её кровать, её подушки, её запах чистоты.

«А пошла она, — зло подумал Игорь, толкая Вику на покрывало. — Пусть знает. Она меня бросила в беде? Вот пусть теперь её кровать послужит мне».

Это была месть. Мелкая, грязная, но сладкая. Он занимался сексом с любовницей прямо на том месте, где спала его жена, и чувствовал мрачное удовлетворение. Получай! Никакой пользы от тебя, даже сейчас, когда я в жопе, ты только

палки в колеса ставишь. А Вика — вот она, молодая, горячая, готовая на всё.

Когда дело дошло до финала, Игорь привычно потянулся к тумбочке, где (он знал) Настя хранила презервативы «на всякий случай» (хотя случаев этих не было уже полгода).

— Не надо, — Вика перехватила его руку.

— В смысле? — Игорь замер, нависая над ней. — Вик, я не хочу рисковать.

— Можно, — она улыбнулась странной, загадочной улыбкой. — Без резинки.

— Ты таблетки начала пить?

— Нет. Я беременна, Игорь.

Игорь рухнул на неё, как подкошенный, но не от страсти, а от шока.

— Что?.. — прошептал он. — Как беременна?

— Вот так. Пять недель. Вчера тест сделала.

Внутри у Игоря всё похолодело. Беременна. Сейчас. Когда у него ни гроша, когда долги, когда развод на носу. Это был конец. Это была петля.

— Ты... ты уверена? — проямлил он, чувствуя, как падает всё желание.

— Конечно. Ты не рад? — Вика надула губки. — У нас будет малыш. Мы же хотели... Ну, ты говорил.

Игорь хотел заорать: «Я говорил это, когда у меня был "Мерседес" и выручка миллион в месяц! А сейчас мне кормить нечем даже кота!».

Но он промолчал. Вика обняла его ногами, притягивая к себе.

— Ну давай же... Теперь-то чего бояться?

Игорь продолжил. Механически. Как робот. В голове стучала одна мысль: «Я попал. Я конкретно попал».

После всего они лежали на смятых простынях Насти. Вика водила пальцем по его волосатой груди.

— Игорь, — сказала она вдруг деловым тоном. — Насчет того разговора... Я не просто так приехала.

— Что, денег на аборт просить будешь? — мрачно пошутил он.

— Дурак, — она шлепнула его. — Я тебе помочь хочу. Реально. У меня есть информация, которая решит все твои проблемы.

Игорь скептически хмыкнул.

— Какая у тебя может быть информация? Скидки в ЦУ-Ме?

— Зря смеешься. Я сегодня утром завтракала в «Марио». Знаешь это место? Модное, дорогое.

— Ну? И кто оплатил банкет? — ревниво спросил Игорь.

— Подруга угощала, успокойся. Так вот. Я там встретила кое-кого. И не просто встретила, а даже сфоткала.

Вика потянулась к своей сумочке, брошенной на полу, и достала телефон.

— Смотри, — она открыла галерею и сунула экран ему под нос.

На фото, сделанном украдкой из-за угла, был виден столик у окна. За столиком сидели двое.

Мужчина был Игорю знаком до боли. Дмитрий Волков.

А вот женщина, сидевшая напротив него и державшая его за руку...

Глаза Игоря полезли на лоб.

— Это что... — прохрипел он. — Это Настя?!

— Она самая, — довольно кивнула Вика. — Твоя "святая" жена. Сидит с каким-то мужиком, пьет кофе и мило воркует.

Игорь выхватил телефон. Приблизил фото. Да, это была Настя. В новом костюме. Она улыбалась Дмитрию так, как не улыбалась Игорю уже лет десять.

— Так вот оно что... — прошептал Игорь, и лицо его начало наливаться краской. — Это не просто война. Это сговор. Они спят! Это же мой главный конкурент!

— Что?! Это всё меняет, — восклицает Вика. — Судя по тому, как они шептались... они планируют тебя добить. Но теперь у тебя есть козырь.

— Какой козырь? — не понял Игорь.

— Ты можешь обвинить их в сговоре! — Вика села на кровати, сверкая глазами. — Развод по причине измены жены! Ты отсудишь всё! У тебя есть доказательство, что она гуляющая!

Игорь смотрел на фото. В его голове начинал созревать план. Злой, жестокий план.

— Ты права, Вика, — он впервые за утро улыбнулся. —

Ты гений. Скинь мне это фото. Сейчас же.

— Скину, — она прижалась к нему. — Но с тебя подарок. Как только поднимешься на ноги купишь мне машину.

— Будет тебе машина, — пообещал Игорь, не сводя глаз с экрана. — Будет тебе всё. Как только я уничтожу эту тварь.

Глава 14

Ресторан «Марио» в утреннее время напоминал закрытый клуб для тех, кто вершит судьбы города за чашкой эспрессо. Официанты скользили между столиками, как тени, боясь потревожить звон вилок и шуршание купюр.

Настя сидела напротив Дмитрия, чувствуя себя странно спокойной. Её «счастливый» костюм Hugo Boss сидел на ней как вторая кожа. Она выпрямила спину.

Дмитрий отложил меню и посмотрел на неё с тем самым хищным интересом, от которого у любой другой женщины подкосились бы коленки.

— Он думает, что выкрутился, — заметила Настя, крутя в руках бокал с водой. — Он продал машину, погасил ваш долг в три миллиона и теперь уверен, что само

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.